ИВАН ФРАНКО

КОГДА ЗВЕРИ ЕЩЁ РАЗГОВАРИВАЛИ

Составление
СТЕПАНА КРЫЖАНОВСКОГО

Перевод с украинского
ГРИГОРИЯ ПЕТНИКОВА
и ЮРИЯ ЯРМЫША

Художник
СЕРГЕЙ АРТЮШЕНКО

ИВАН
ФРАНКО

КОГДА ЗВЕРИ ЕЩЁ РАЗГОВАРИВАЛИ

СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ

ДЛЯ МЛАДШЕГО
ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

КИЕВ «ВЕСЕЛКА»
1986

84Ук1—4
Ф83

Рецензент
ЛЕОНИД ВЫШЕСЛАВСКИЙ

Ф $\frac{4803010200-118}{М206/04/-86}$ 79.86.

© Издательство «Веселка», 1976,
составление, иллюстрации;
1986, перевод на русский язык

ОСЁЛ И ЛЕВ

Жил-был Осёл. Немало пришлось ему у хозяина поработать и побоев отведать.

«Дай-ка,— думает,— убегу я в лес и буду жить на воле. Буду в лесу пастись, и кто мне что сделает?»

Не долго думая, убежал от хозяина — да и в лес. Хорошо ему там — пасётся, где хочет, ничего не делает, никто его не бьёт. Такого счастья, сколько на свете прожил, никогда не ведал. Вдруг видит однажды — идёт Лев, страшный-престрашный, и прямо на него.

«Ну,— думает Осёл,— теперь мне конец!»

Но пока Лев к нему подходил, он немного успокоил-

ся и подумал: «А может, как-нибудь я его обману!» И повалился сразу наземь, лёг и лежит, будто ничего не боится.

Подходит Лев и кричит ему издали:

— Эй, кто ты такой? Как ты смеешь лежать! Почему не встаёшь и не кланяешься мне?

А Осёл будто и не слышит. Лежит и только длинными ушами хлопает. Подошёл Лев и снова кричит:

— Сейчас же подымайся и кланяйся мне!

— А кто ты такой?— спрашивает Осёл.

— Ты ещё спрашиваешь!— грозно кричит Лев.— Разве не знаешь, что я — Лев, всем зверям царь?

Осёл, не вставая, поднял голову и вытаращил на него глаза.

— И что ты за глупости говоришь!— сказал он.— Ты всем зверям царь? Кто это тебе сказал? Где это написано? Кто тебя в цари выбирал? Ну, отвечай!

Лев так и стал, словно лбом об стенку стукнулся:

— Кто мне это сказал? Да все говорят, что я царь зверям. А разве это неправда?

— Конечно, неправда. Не может этого быть, потому что всем зверям царь — я!

— Ты?— удивился Лев.— А где это написано?

— А вот здесь написано. Погляди-ка!

Он поднялся на ноги и, повернувшись ко Льву хвостом, показал ему своё заднее копыто, на котором была прибита новёхонькая блестящая подкова.

— Видишь? Это моя царская печать. Если бы ты был царём, то и у тебя была бы такая же.

— Вот так диво!— сказал Лев.— А я об этом никогда и не думал. Может, твоя правда. Но погоди!

Давай-ка сначала померяемся, кто из нас ловчей. Пойдём в лес, и кто за час наловит больше зверей, тот и будет настоящим царём.

— Ладно, пускай будет по-твоему,— сказал Осёл. И на том они расстались.

Побежал Лев по лесу. Бегал, бегал — там серну поймал, там зайчика, там ещё какого-то зверя. Вот за час и набралось у него штук пять или шесть. Взял он всё и тащит к Ослу.

А что же делает в это время Осёл? Он вышел на широкую поляну, где сияло солнышко, упал посреди луга на землю, раскинул ноги, зажмурил глаза, высунул на пол-локтя язык,— каждый сказал бы: околел, мол, да и всё. А над поляной ястребы летают, вороны, коршуны, сороки, галки, всякая погань. Видят — лежит мёртвый Осёл, и все к нему.

Сначала издали заскакивали, а потом видят — не двигается, и начали по нему скакать, язык и глаза ему клевать. А Осёл ничего, только если какая птица слишком уж близко подступит, он цап её зубами или ногой ударит, убьёт и спрячет под себя, да так хитро, что другие и не видят. Не прошло и часа, как передушил он порядочную кучу. Потом вскочил, встряхнулся да как заревёт! Птицы все врассыпную. Забрал Осёл всю убитую птицу и несёт к тому месту, где должны они со Львом встретиться. Приходит, а Лев уже там.

— Ну что,— говорит он Ослу и показывает ему свою добычу,— видишь, сколько я наловил?

— Ну и глупый же ты, голубчик!— говорит Осёл и пнул его зверей ногою.— Таких зверей я мог бы в два раза больше наловить. Да что с них толку! А вот погля-

ди ты на моих! Я ловил только таких, что в воздухе летают. А ну, попробуй-ка ты!

— Нет, такого я сделать не сумею,— говорит Лев.— Вот теперь и вправду вижу, что ты, а не я всем зверям царь! Прости, что я говорил с тобой так неучтиво.

— Вот видишь!— гордо промолвил Осёл.— Всегда надо быть учтивым, а не то вдруг наскочишь на старшего, что тогда получится? Вот и сейчас я мог бы тебя казнить, но прощаю, так как ты сделал это не по злой воле, а по глупости. А теперь ступай и будь в другой раз поосторожней!

Пошёл Лев, понурив голову и поджав хвост, будто кто вылил на него ушат холодной-прехолодной воды. Близко ли, далёко ли, попадается ему в лесу Волчишка-братишка.

— Здравствуй, пресветлейший царь!— говорит Волк и низко-низко кланяется.

— Э, иди, не смейся надо мной!— говорит печально Лев.— Какой я тебе царь?

— Что ты!— воскликнул Волк.— А кто же посмел бы сказать иначе?

— Молчи, братец,— шепчет ему Лев.— Тут неподалёку есть настоящий царь. Услышит, так будет беда и тебе и мне.

— Настоящий царь?— удивился Волк.— Что за чудо такое! Какой же может быть настоящий царь, кроме тебя?

— Есть, есть!— зашептал в испуге Лев.— Я сам его видел. Да такой страшный... А что за сила! Ловит даже таких зверей, что по воздуху летают. Я рад, что меня живым отпустил.

— Да что ты говоришь?— удивляется Волк.— Что за чудеса такие! Я этот лес знаю издавна, но никак не возьму в толк, кто бы это мог быть. А каков он на вид, новый-то царь?

— Страшный!— говорит Лев.— Уши вот такие, голова с ведро, а на задней ноге печать царская.

— Никак не угадать, кто ж это может быть!— встревожился Волк.— Знаешь что? Ступай покажи мне его.

— Я? Ни за что на свете!— вскрикнул Лев.— Уж довольно один раз страху натерпелся.

— Да пойдём! Чего бояться?— уговаривал Волк.— Знаешь что? Привяжись ты своим хвостом к моему, не так страшно нам будет тогда идти.

— Что ж,— говорит Лев,— пускай будет по-твоему.

Привязали они себя друг к другу хвостами и пошли. Вышли на пригорок за полянкой, где пасся Осёл. Остановился Лев, приглядывается и шепчет Волку:

— Вот он! Вот он! Погляди!

Оборачивается Волк, посмотрел и как крикнет:

— Глупый ты, Лев! Да ведь это же Ослик!

А Льву послышалось, что новый царь «возле», испугался он и ну бежать через пни и овраги во весь дух! Бежал, бежал, потом утомился, остановился и оглядывается:

— Ну что, Волк, новый царь уже близко?

А Волк только язык высунул. Как был привязан к львиному хвосту, так всю дорогу за ним и волочился и давно уже и дух испустил.

— Вот видишь,— обращается к нему Лев,— ты

говорил, будто новый царь не страшный, а как увидел его близко, то со страху и помер!

ЛИСИЧКА И РАК

Повстречался Лисичке Рак. Остановилась Лиса, смотрит, как он медленно ползёт. И ну над ним насмехаться:

— Ох и быстрый же ты, нечего сказать! Настоящий Рак-бедняк! А ответь-ка мне, Рак-бедняк, правда ли, что тебя однажды за дрожжами послали, а ты через год с дрожжами пришёл да и те посреди хаты разлил?

— Может, когда-то и правда была,— отвечает Рак,— а теперь очень на враньё похоже.

— Вот это да! Выходит, ты теперь проворней стал?

— Проворней не проворней, а тебе насмехаться надо мной не позволю. Если хочешь знать, какой я быстрый, давай побьёмся об заклад, что я быстрей тебя вон до того пенька добегу.

— Что? что? что?— удивилась Лисичка.— Ты хотел бы со мной наперегонки побежать?

— И побегу! Да ты хоть на целый скок впереди становись, всё равно я быстрей тебя на месте буду,— молвил Рак.

Побились они об заклад. Стала Лисичка на один скок впереди Рака, а Рак уцепился клещами за её хвост. Рванулась Лисичка, бежит что есть мочи, пыль столбом. Добежала до пенька и ну звать:

— Где же ты, Рак?

Никто не отвечает.

— Ну, Рак, где ты там? — ещё раз окликнула Лиса и повернулась хвостом к пеньку.

— Да вот где я! Давно уже тебя жду, даже чуть за пенёк забежал.

КАК ЛИСА САМА СЕБЯ ПЕРЕХИТРИЛА

Бродил Волчишка-братишка по лесу, бродил да и попал в беду. Увидали его ловцы-молодцы и ну за ним гнаться. Бежал Волчишка-братишка всё лесом да лесом, а дальше пришлось ему на торную дорогу выбежать. А по дороге с поля крестьянин шёл — с мешком и цепом. Волк к нему:

— Дяденька, голубчик! Смилуйся надо мной, спрячь меня в мешок! За мной ловцы-молодцы гонятся, порешить меня хотят.

Смилостивился крестьянин, спрятал Волка в мешок, закинул за плечи да и несёт. А ловцы-молодцы — тут как тут.

— Не видал ли ты, мужик, Волчишку-братишку?

— Нет, не видал.

Ловцы и побежали дальше. А когда их уже и след простыл, Волк из мешка голос подаёт:

— А что, ушли уже ловцы?

— Ушли.

— Ну, теперь отпусти меня на волю!

Крестьянин развязал мешок и выпустил Волчишку-братишку на волю. А тот и говорит:

— Ну, человек, теперь я тебя съем.

— Эй, Волчишка-братишка! Я тебя вон из какой беды выручил, а ты меня съесть хочешь!

— А что, человек! Так ведь в мире ведётся: старое добро забывается.

Видит мужик, плохи дела, да и говорит:

— Ну, коли так, идём дальше! Обратимся к зверям, пусть нас рассудят. Если скажут по-твоему, пусть по-твоему и будет: съешь меня.

Идут, идут и повстречали старую Кобылу. Крестьянин и просит:

— Будь добра, матушка Кобыла, рассуди нас. Я спас Волчишку-братишку от смерти, а он хочет меня съесть.— И рассказал всё как было.

Кобыла подумала, подумала да и говорит:

— Волчья правда, человек! Я жила у хозяина двенадцать лет, работала на него, сил не жалеючи, принесла ему десять жеребят, а теперь, когда я состарилась и для работы не гожусь, он взял да и выгнал меня в чистое поле, чтоб меня волки съели. Уж неделя, как я здесь днюю и ночую, жду не дождусь, когда волки придут и разорвут меня. Вот так-то, дяденька, старое добро забывается.

— Видишь, моя правда!— закричал Волк.

Опечалился крестьянин и стал просить Волка, чтобы поискать им ещё одного судью. Волчишка согласился. Идут, идут, а навстречу — старый Пёс. Крестьянин к нему. Рассказал всё как было. Пёс подумал, подумал да и говорит:

— Нет, человек, Волк прав. Вот послушай, что со мною было. Служил я хозяину верой и правдой двадцать лет, сторожил его дом и скотину, а когда соста-

рился и голос у меня пропал, он выгнал меня со двора, и вот я скитаюсь теперь бездомный и беззащитный. Старое добро забывается, вот истинная правда!

— Видишь, всё по-моему!— крикнул Волк.

Затосковал ещё горше наш крестьянин и снова стал просить у Волка:

— Позволь мне ещё одного судью расспросить, а потом делай со мной что хочешь, если старого добра не помнишь.

— Хорошо.

Пошли они, а навстречу им Лисичка-сестричка.

— Эй, Лисичка-сестричка!— издалека закричал ей крестьянин и поклонился.— Сделай милость, подойди поближе, рассуди нас с Волком.

Подошла Лисичка, рассказал ей крестьянин, что и как было. А Лисичка не верит.

— Да не может того быть, человек, чтобы такой большой Волк да в этот мешок залез!

— Это правда!— закричал Волк.

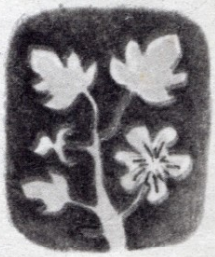
— Нет, ни за что не поверю!— упёрлась Лисичка. Как уже мужик ни клялся, как Волк ни доказывал, нет и нет!

— Не могу я этому поверить, вот разве что покажете, как это было.

— Что ж, это можно,— сказал крестьянин и расставил мешок точно так, как тогда, когда сажал Волка.

— Вот видишь, как это было!— сказал Волк и сунул голову в мешок.

— Как, разве ты лишь голову спрятал?— спросила Лисица.



Волк и залез в мешок с хвостом.

— Ну, человек,— молвила Лиса,— теперь покажи мне, как ты его завязывал?

Крестьянин завязал.

— Ну, а теперь, человек, покажи мне, как ты на току снопы молотишь?

Крестьянину не надо было дважды повторять. Как взмахнёт цепом, как начнёт лупить по мешку. А Лисица ещё и приговаривает:

— А ну-ка, мил человек, а как ты снопы переворачивал?

Крестьянин перевернул мешок на другой бок да как стукнет Волка по голове — из него и дух вон.

— Ну, человек,— молвила Лиса,— я тебя от верной смерти спасла. Что же ты мне за это подаришь?

— Подарю тебе, Лисичка-сестричка, мешок кур.

— Хорошо.

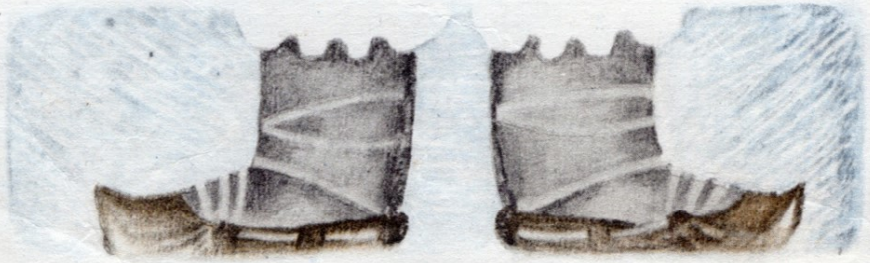
Пошла Лисичка-сестричка с крестьянином в село, поджидает у ворот, а крестьянин пошёл кур разыскивать. Взял мешок, стал ловить кур, а тут как раз жена пришла.

— А что это ты, муженёк, делаешь?

Рассказал ей крестьянин всё, что с ним приключилось, и от какой беды Лиса его спасла, и какую пообещал он ей плату.

— Хорошо, что ты жив и здоров,— сказала жена.— А отдать Лисе наших кур — ни за что не соглашусь. Лучше ты посади в мешок собак Лыска да Рябка и отдай Лисе.

Подумал, подумал крестьянин и сделал так, как



жена велела. Посадил собак в мешок, вынес за ворота да и говорит:

— Бери, Лисичка-сестричка, этот мешок кур! Возьми его на плечи да и неси в лес, только не развязывай близ села, чтобы куры не разлетелись.

Взяла Лисичка мешок, несёт, тащит, тащит, а потом села отдохнуть за селом на холме и думает себе:

«Загляну-ка я в мешок, сколько там этих кур?»

Развязала мешок, да не успела толком и заглянуть, а из мешка как выскочат Лыско да Рябко — и за Лисой. Лиса удирала, что было мочи, едва заскочила в лес — да в свою нору. Отдышалась немного с перепугу и стала сама с собой разговаривать.

— Вы, мои глазки, что делали, когда за мной эти гадкие собаки гнались?

— Мы внимательно смотрели, чтобы ты знала, куда от них лучше всего бежать.

— А вы, мои ноженьки, что делали?

— Мы бежали изо всех сил, чтобы тебя собаки догнать не могли.

— А вы, мои ушки, что делали?

— Мы старательно прислушивались, не приближаются ли твои враги.

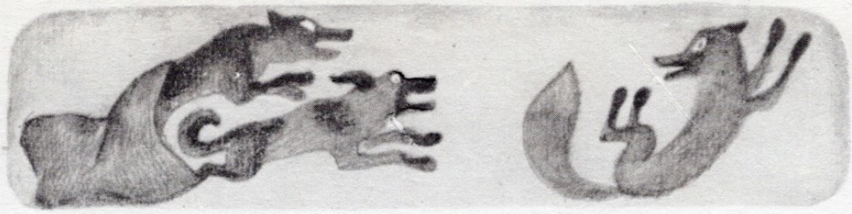
— А ты, хвостище, что делал?

Хвостище рассердился, что Лиса так неласкова с ним, да и говорит ей в отместку:

— А я мотался сюда и туда, цеплялся то за пеньки, то за ветки, чтобы тебя задержать, чтобы собаки тебя поймали.

— Ах, вот ты какой добрый! — крикнула Лиса. — Вон из дому! — Да с этими словами высунула хвост

2 126-6



из норы, ещё и кричит: — Эй, Лыско и Рябко, цу-цу! Вот вам Лисичкин хвост! Рвите его!

А Лыско и Рябко только этого и ждали. Схватили Лисий хвост, как рванули да и вытащили всю Лису из норы и тут же её разорвали.

ЗАЯЦ И ЁЖ

Ёж стоял у дверей своей норки, заложил лапки за поясок, выставил нос навстречу тёплому ветру и тихо напевал песенку — красивую или нет, кому какое дело? Как умеет, так и поёт. Напевал себе тихонько, а потом подумал:

«Пока моя жёнушка купает деток и одевает им свежие рубашечки, схожу-ка я в поле, пройдусь да на свою свёклу посмотрю, хороша ли выросла».

Свёкла росла неподалёку от его жилья. Ёж брал её сколько было нужно для еды на всю семью, а поэтому всегда говорил «моя свёкла». Ну, ладно! Осторожно прикрыл он за собой двери и поплёлся по тропинке в поле. Немного и прошёл, как навстречу ему Заяц. Он тоже вышел прогуляться и к «капусте своей» наведаться. Увидев Зайца, Ёж вежливо поздоровался с ним. Но Заяц был большой барин и задавака. Он даже не ответил на ёжикино приветствие, а лишь глянул на него свысока и отозвался:

— Ого, а чего это ты так рано по полю шатаешься?

— Погулять вышел,— ответил Ёж.

— Погулять?— рассмеялся Заяц.— А я думаю,

что с твоими кривыми ногами лучше было бы лежать, чем на прогулку вылезать.

Эта насмешка очень рассердила Ежа, ведь ноги у него и в самом деле кривые.

— Ты, наверное, думаешь,— говорит Еж Зайцу,— что на своих длинных лапах быстрее побежишь?

— Конечно,— ответил Заяц.

— Можем попробовать,— предложил Еж.— А ну-ка, побьёмся об заклад, увидишь, что я тебя перегоню.

— Да об этом смешно людям сказать! Ты на своих кривульках опередишь меня?— рассмеялся Заяц.— Ну, а впрочем, попробуем, если ты так хочешь. Давай руку. А теперь бежим.

— Ну, ну, зачем так спешить?— ответил Еж.— Мне сперва домой надо, слегка подкрепиться, а через полчаса я возвращусь на это место.

Заяц не имел ничего против, потому что и ему хотелось перед этим похрупать свежей капустки. А Еж между тем поковылял домой.

Приходит Еж домой и говорит своей жене:

— Жена, побыстрее собирайся, пойдешь со мною в поле.

— А чего я там не видала?— спрашивает Ежиха.

— Понимаешь, я с Зайцем наперегонки бежать буду.

— Ты что, муженёк, никак рехнулся?— воскликнула Ежиха.— Ты с Зайцем хочешь наперегонки бежать?

— Вот именно, хочу. И ты в этом мне поможешь.

А что оставалось Ежихе? Собралась и пошла вместе с мужем. По дороге Ёж и говорит:

— Видишь эту длинную ниву? Вот здесь мы будем соревноваться. Заяц будет бежать по одной борозде, а я по другой. Вон оттуда, с горы, и начнём. Значит так, ты стань вот здесь, в этой борозде, и когда Заяц прибежит сюда, ты подними голову да и крикни:

— А я уже тут!

Так, разговаривая, они подошли к ниве.

Ёж поставил свою жену на её место, а сам пошёл своей бороздой в другой конец. Приходит, а Заяц уже там.

— Ну, что же, побежим? — спрашивает Заяц. — Ну-ка, раз... два...

Один стал в одну борозду, другой — в другую. Заяц крикнул «три» и сорвался с места как вихрь.

А Ёжик пробежал, может, шага три, потом притаился в борозде и вернулся назад, на своё прежнее место. А Заяц бежит во всю прыть! Но когда он добежал до конца нивы, Ежиха из другой борозды кричит ему навстречу:

— А я уже тут!

Заяц от удивления глаза выпучил: ему и в голову не пришло, что это не Ёж, ведь вы знаете, Ёж и Ежиха на вид одинаковы.

— Как же это могло случиться? — воскликнул Заяц. — Бежим ещё раз, назад!

И, даже не передохнув хорошенько, он словно птица полетел над нивой, положив уши на спину. Ежиха осталась спокойно на своём месте. А когда Заяц прибежал на другой конец нивы, так Ёж ему навстречу:

— А я уже тут!

Рассвирепел Заяц. Что за чудеса? Чтобы кривоногий Ёж меня опередил? И, не помня себя от досады, крикнул:

— А ну-ка ещё раз бежим!

— Да хоть десять раз,— молвил Ёж,— мне всё равно.

Побежал Заяц, а снизу вновь слышит:

— Я уже тут!

Бегут ещё раз — опять то же самое. Так он, бедолага, бегал, бегал семьдесят и три раза туда и назад, а Ёж каждый раз был «уже тут». Добежит ли Заяц до одного края нивы, до другого ли, а всё слышит одно и то же: «Я уже тут». А в семьдесят четвёртый раз Заяц не добежал. Как раз посреди нивы упал на землю и умер на месте.

А Ёж позвал свою жену, и они пошли радуясь домой. И живут, наверное, и сейчас, если не померли.

После этого весь заячий род зарёкся бегать наперегонки с Ежами.

ВОЛК В СТАРОСТАХ

Пасся Осёл однажды на пастбище, подошёл невзначай к лесу, а за пнём Волк сидел. Подскочил он к Ослу и хотел было его разорвать. А Осёл, даром что его дураком называют, сразу же надумал, что ему делать. Волк бежит к нему, а он так весело усмехается, низко кланяется ему и говорит:

— Вот и хорошо, вот и хорошо, сударь Волк, что пожаловать изволили. А я вас всё ищу да ищу.

— А зачем я тебе понадобился? — спрашивает Волк.

— Да вот видите, община выслала меня за вами и строго-настрого приказала: «Ступай да без Волка в деревню к нам не возвращайся».

— А зачем я общине понадобился? — спрашивает Волк.

— А вы и не знаете? Да у нас ведь на сходке старосту выбирают.

— Ну так что из того, что выбирают?

— Не то беда, что выбирают, — говорит Осёл, — а то беда, что ни на ком согласиться не могут. Уже все хозяева между собой перессорились, а потом и говорят: «Здесь, пожалуй, один только Волк из лесу может старостой быть». Как подхватили это слово, так на том и порешили. Вот и послали меня, чтобы доставил я вас тотчас в деревню. Такое вот дело.

Как услыхал это Волк, так на радостях и хвост задрал. Взобрался тотчас на Осла, уселся к нему на спину, едет в деревню. Только приехали они в деревню, а Осёл как закричит зычным голосом! Выбежали тут из хат люди и, видя, что Волк на Осле верхом едет, кинулись с палками, цепами и поленьями и давай его колотить. Били-били — еле Волк живым из деревни убежал.

Бежит, бедняга, бежит и всё оглядывается, не гонятся ли за ним люди. А уж как не стало видно деревни, заметил Волк копну сена, вскочил на нее и лег

отдыхать. Отдыхает и сам вслух с собой разговаривает:

— И отец мой в старостах не был, да и дед мой в старостах не был. И чего это мне, дураку, вдруг захотелось старостой стать? Эх, беда, что нет здесь толкового хозяина, чтоб поколотил меня здоровенной палкой и уму-разуму научил.

А под копной как раз толковый хозяин сидел с вилами в руках. Услыхал — да как выскочит, да как даст Волку раз десять по спине, так Волк ноги и протянул.

ЛИС И ДРОЗД

Шёл Кабан в Киев на ярмарку. А навстречу Волк.
— Кабан, Кабан, куда идёшь?
— В Киев на ярмарку.
— Возьми и меня с собой.
— Пошли, кум.
Шли, шли, а навстречу им Лис.
— Кабан, а Кабан, куда идёшь?
— В Киев на ярмарку.
— Возьми и меня с собой.
— Пошли, кум.
Шли они, шли, а навстречу Заяц.
— Кабан, Кабан, куда идёшь?
— В Киев на ярмарку.
— Возьми и меня с собой.
— Пошли, браток.
И пошли звери вместе. Шли, шли и ночью наскочи-

ли на яму глубокую и широкую. Кабан прыгнул — не перепрыгнул, а за ним и все остальные стали прыгать да все вместе в яму и попадали. Что делать, надо здесь ночевать. Проголодались все, а вылезти не могут и есть нечего. Вот Лис и придумал.

— А давайте-ка,— говорит,— песни петь. Кто самым тонким голосом вытянет, того мы и съедим.

И звери затянули... Волк, понятно, побасистей: у-у-у! Кабан немного тоньше: о-о-о! Лис ещё тоньше: э-э-э! А Зайчишка совсем тонко запищал: и-и-и! Накинулись все на бедолагу-Зайца, разорвали его и съели. Да что им этот Заяц! Ещё как следует не рассвело, а они уже снова так проголодались, что едва дышат. Лис опять велит:

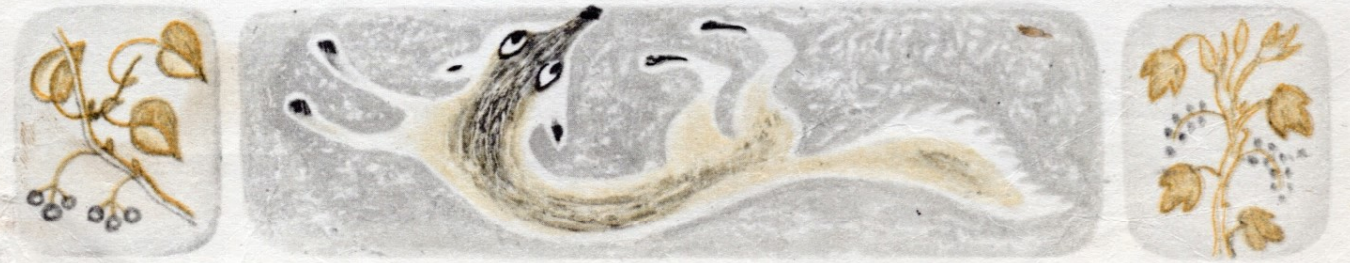
— Давайте песни петь. Кто самым низким голосом затянет, того мы и съедим.

Снова запели. Волк хотел было тонко затянуть, да как завоет басом: у-у-у! Тут все на него набросились и разорвали.

Остались двое: Кабан и Лис. Поделили они волчье мясо. Кабан быстро съел свою часть, а Лис немного съел, а остальное под себя запрятал. Минул день, другой прошёл. Кабан голоден, есть нечего, а Лис в уголке сидит, по кусочку мясо вытягивает да ест.

— Что это ты, куманёк, ешь?— спрашивает его Кабан.

— Ой, куманёк,— вздыхает Лис.— Что мне остаётся делать?! Собственную кровь с голодухи пью. Сделай и ты, как я. Прокуси себе грудь да и соси потихоньку свою кровь, вот увидишь, и тебе легче станет.



Послушался глупый Кабан. Клыками распорол себе грудь, да пока собирался напиться, собственной кровью подплыл и умер. Вот тогда Лис и набросился на его мясо и ещё несколько дней не горевал. Однако не стало и кабаньего мяса. Сидит Лис в яме, снова голод допекает его. А над той ямой стояло дерево, а на дереве Дрозд гнездо вьёт.

Глядел Лис на него из ямы, глядел, а потом стал заговаривать:

— Дрозд, а Дрозд, что ты делаешь?

— Гнездо вью.

— Зачем тебе гнездо?

— Яиц нанесу.

— Зачем тебе яйца?

— Детей выведу.

— Слушай, Дрозд, если ты меня из ямы не вызволишь, я твоих детей съем.

— Не ешь, Лис, сейчас тебя вызволю,— просит Дрозд.

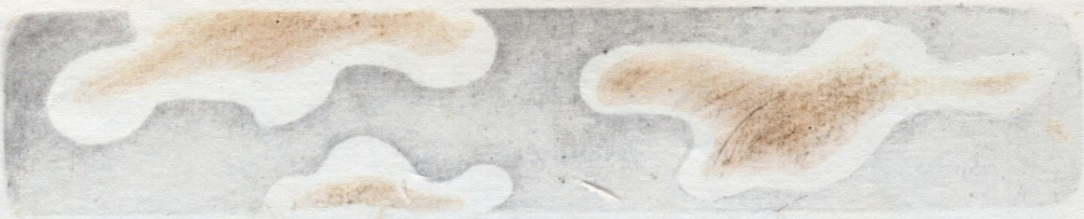
Горюет Дрозд, тоскует Дрозд, как ему Лиса из ямы вытащить. Вот он во весь дух в лес полетел, стал собирать ветки, хворост и всё в яму кидать. Кидал, кидал, пока Лис по этому хворосту из ямы не вылез. Думал Дрозд, что он пойдёт себе прочь, ан нет! Лис разлёгся под деревом, на котором Дрозд гнездо свил, да и говорит:

— Дрозд, а Дрозд, вывел ты меня из ямы?

— Вывел.

— Ну, а теперь накорми меня, а то я твоих детей съем.

— Не ешь, Лис, я уж тебя накормлю!



Горюет Дрозд, тоскует Дрозд, как ему Лиса накормить. Наконец придумал и говорит Лису:

— Пошли со мной!

Вышли они из лесу, а под лесом полевая дорожка вьётся.

— Ложись вот здесь в рожь,— говорит Дрозд,— а я подумаю, как тебя накормить.

Видит Дрозд — по дорожке баба идёт, мужу в поле обед несёт. Прыгнул Дрозд в лужицу, в воде намок, в песке вывалялся и бегает по дорожке, порхает туда-сюда, будто совсем летать не может. Видит баба — птица мокрая, слабосильная. «Дай-ка,— думает,— поймаю эту птицу, домой принесу — детям игрушка будет».

Подбежала к Дрозду,— он подпрыгивает, порхает, а не летит. Вот баба поставила корзинку с горшками на дорожке и давай Дрозда ловить. А Дрозд то подбежит, то подлетит, и всё дальше и дальше, а баба всё за ним да за ним. Наконец, увидав, что она отбежала уже довольно далеко от своей корзинки, Дрозд вспорхнул и улетел. Баба лишь рукой махнула и возвратилась к корзинке. А там уже пир горой! Пока баба бегала за Дроздом, Лис выскочил изо ржи и к горшкам. Что съел, что поразливал и удрал.

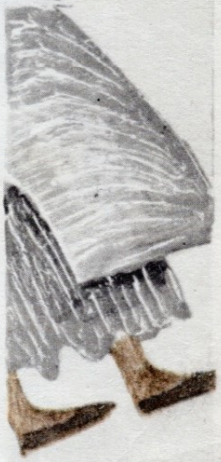
Сидит Дрозд на дереве и вьёт гнездо, глядь, а под деревом Лис.

— Дрозд, а Дрозд,— говорит Лис,— это ведь ты меня из ямы вывел?

— Вывел, Лис.

— А накормил ты меня?

— Накормил.



— Ну, а теперь дай мне воды, иначе я твоих детушек съем.

— Не ешь, Лис, я дам тебе воды.

Дрозд горюет, Дрозд тоскует, как бы ему напоить Лиса. Наконец придумал да и говорит Лису:

— Идём за мной!

Вышли они из лесу на ту же полевую дорогу.

— Ложись вот здесь в рожь,— говорит Дрозд,—а я подумаю, чем тебя напоить.

Видит Дрозд, мужик по дороге едет, бочку воды везёт, чтобы капусту полить. Подлетел Дрозд, сел на голову коню и стал клевать.

— Ату!— крикнул мужик и замахнулся на Дрозда кнутом. Дрозд вспорхнул, и мужик ударил кнутом коня по голове. Словно ничего и не случилось, сел Дрозд на другого коня и клюёт его в голову. Снова размахнулся мужик и попал коню по голове. Разозлился мужик на Дрозда. «Вот пакостная птица!— думает.— И чего это она привязалась?!» А Дрозд между тем сел на бочку с водой и стал её долбить.

«Подожди-ка, ужо я тебе задам»,— думает мужик да вдруг как схватит дубинку с телеги, как ударит по бочке! В Дрозда не попал, а бочка от тяжёлого удара пошатнулась и грохнулась с телеги на землю. Вода из неё вылилась и потекла широкой рекой по дороге. Выскочил Лис изо ржи, напился вволю, а мужик, проклиная Дрозда, поднял пустую бочку и возвратился домой.

Сидит Дрозд на дереве, вьёт гнездо, глядь, а Лис опять под деревом.

— Дрозд, а Дрозд, вывел ты меня из ямы?

— Вывел.

— Накормил ты меня?

— Накормил.

— Напоил ты меня?

— Напоил.

— Ну, а теперь рассмеши меня, а то, ей-богу, твоих детушек живьём съем.

— Не ешь, Лис, я тебя рассмешу.

Горюет Дрозд, тоскует Дрозд, как бы ему рассмешить Лиса, а потом и говорит:

— Пойдём со мной.

Вышли они на полевую дорожку. Лис засел во ржи и ждёт.

Наконец едет по той же дороге тот же мужик, что воду вёз: сам сидит спереди, а сзади сидит его сынок с палкой в руке. Подлетел Дрозд, сел на плечо мужику и стал клевать.

— Ой, отец,— говорит парень,— на вас птица села! Не шевелитесь, я её убью.

Старик не успел ещё толком расслышать, что говорит сын, а парень как взмахнёт палкой — хрясь отца по плечу! Дрозд мигом вспорхнул, а через минуту сел мужику на другое плечо. Снова размахнулся парень и ещё сильней ударил отца по плечу.

— Эй, сынок, что же это ты делаешь?— закричал отец.

— Молчите, отец! Какая-то птица всё время садится на ваши плечи, я должен её поймать.

— Так лови, а не бей!— морщась от боли, воскликнул отец.

Полетал, полетал Дрозд да и сел старику на голову,

клюёт его брыль соломенный, словно тут ему и место. Взмахнул парень ладонью, чтоб поймать его. Дрозд только фр-р! А потом опять уселся на прежнее место. Снова парень примерился рукой достать Дрозда — не тут-то было!

— Подожди же, чёртова птица! Ужо я тебя угощу! — разозлился парень. И когда Дрозд в третий раз уселся на голову отца, он, толком не соображая, что делает, как взмахнёт палкой, как треснет старика по голове! У того даже искры из глаз посыпались...

Дрозд вспорхнул и улетел прочь. А Лис, сидя во ржи, смотрел на проделки Дрозда и даже за живот хватался со смеху...

Увидел Дрозд, что Лис так радуется, и вздохнул свободнее.

«Ну, — думает, — теперь, наверное, оставит меня в покое, не будет моим детушкам угрожать».

Но едва он снова принялся гнездо вить, глядь, а Лис уже под деревом.

— Дрозд, а Дрозд, — молвит Лис, — вывел ты меня из ямы?

— Вывел.

— Накормил ты меня?

— Накормил.

— Напоил ты меня?

— Напоил.

— Рассмешил ты меня?

— Рассмешил.

— Ну, а теперь испугай меня, иначе я твоих детушек съем.

Горюет Дрозд, тоскует Дрозд, как бы ему Лиса напугать, а потом и говорит:

— Что же мне остаётся делать?! Пошли со мной, я тебя, так и быть, испугаю.

Привёл Дрозд Лиса на широкое пастбище. Там паслась большая отара овец. Пастухи сидели в шалаше, а собаки бегали вокруг отары, сторожили овец. Остановился Лис вдалеке, подле леса, увидел псов, дальше идти не хочет.

— Что, Лис, страшно?— спрашивает Дрозд.

— Нет, не страшно,— говорит Лис,— а только я притомился, не хочу дальше идти.

— Да как же я тебя напугаю, когда ты не хочешь дальше идти?— спрашивает Дрозд.

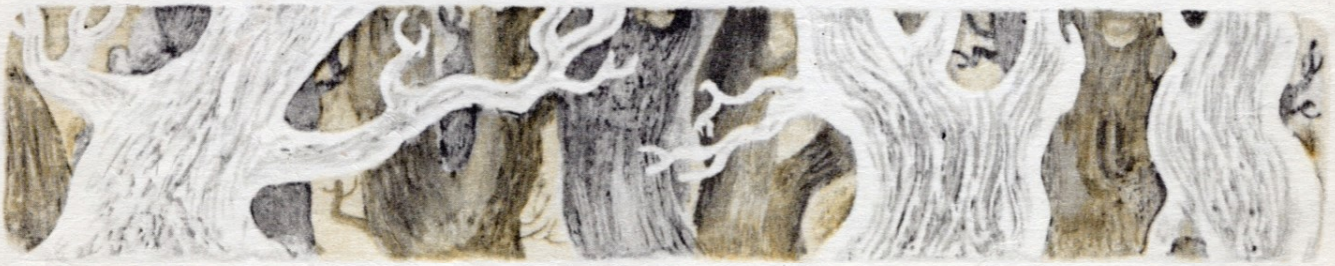
— Как знаешь,— молвил Лис,— только помни, если не испугаешь, я твоих детушек с косточками съем.

— Хорошо,— говорит Дрозд,— ложись в этом месте в рожь и смотри, что я делать буду. А когда тебе станет страшно, крикни мне, чтобы я прекратил.

Полетел Дрозд, сел на пастбище прямо перед собаками и царапает лапками землю. Бросились к нему псы, он отлетел и опять сел неподалёку, поближе к Лису. А Лис смотрит, что же будет дальше, а того и не замечает, что псы подходят всё ближе и ближе. Тогда Дрозд сорвался с места и, махая одним крылом, как искалеченный, полетел прямо к Лису. Собаки за ним.

Увидел Лис, что беда рядом, как сорвется с места, как крикнет Дрозду:

— Ну что же ты, дурак! Ты ведь и в самом деле псов на меня натравливаешь?



Тут его псы и увидели, да как кинутся за ним! Едва Лис сумел пробежать несколько шагов, как собаки догнали его и разорвали.

ЗАЯЦ И МЕДВЕДЬ

Жил-был в лесу Медведь, да такой сильный и злой, что не приведи господи! Пойдёт, бывало, по лесу и душит и раздирает всё, что попадётся: одного съест, а десятерых и так бросит, только зря жизнь загубит. А лес был дремучий, зверя в нём было много, и вот напал на всех страх. Этак и года не пройдёт, как в лесу живой души не останется, если Бурмила [1] будет так хозяйничать. Созвали звери совет и порешили действовать так. Выслали к Медведю делегацию и велели ему объявить:

— Вельможный хозяин наш, пан Медведь! Зачем ты над нами так измываешься? Одного съешь, а десятерых со злости разорвёшь и бросишь! Этак через год и живой души в лесу не останется. Ты лучше сделай вот что: сиди себе спокойно в своей берлоге, а мы каждый день будем присылать одного из нас тебе на съедение.

Выслушал Медведь такую речь и говорит:

— Ладно! Но знайте: если хоть один день меня обманете, я вас всех задеру!

С той поры начали звери каждый день посылать

[1] Бурмила — в народных сказках так называют медведя.

3 126-6

Медведю одного из своих на съедение. Стали каждый раз метать жребий: кому выпадет, тот и должен идти к Медведю на съедение.

Вот выпал однажды жребий Зайцу. Испугался Заяц, бедняга, но что делать... Ходили другие, надо и ему идти.

Он и спорить не стал, а вымолил только часок, чтобы с женой и детками попрощаться. А пока он разыскивал жену, пока созывал всё своё семейство, пока прощались, плакали и обнимались, уже и солнышко с полудня повернуло.

Пришлось наконец Зайцу идти в путь-дорогу. Идёт бедняга к Медвежьей берлоге. Но не думайте, что спешит он заячьим шагом-скоком, что бежит он с ветром наперегонки. Ох, бедному Зайцу теперь не до скоков! Еле плетётся да всё горькие слёзы утирает и уж так вздыхает, что на весь лес слышно. Вдруг видит — стоит среди леса каменный колодец, срубом одет, а внизу вода глубоко; заглядывает вниз, а слёзы всё кап-кап в воду. Увидев в воде своё отражение, он стал к нему приглядываться и вдруг так повеселел, что подскочил от радости. Мелькнула у него в голове счастливая мысль, как бы это ему и самому от смерти спастись, и всех зверей избавить от злого, безрассудного Медведя. Перестал он плакать и вздыхать и помчался во весь дух к Медвежьей берлоге.

Уж близился вечер. Медведь весь день просидел у себя в берлоге и ждал, что звери пришлют ему кого-нибудь на обед. Ждал, ждал, никого не дождался. Начал его голод одолевать, а заодно к сердцу злость подступала.

— Что это значит? — рычал Медведь. — О чём они думают? Может, обо мне забыли или им кажется, что могу я быть сыт два дня одной Вороной? О, проклятые звери! Если сию же минуту не придёт от них пища, то клянусь буком и берестом, что завтра чуть свет двинусь в лес и передушу всё живое, даже и хвоста не оставлю!

Проходит минута за минутой, час за часом, а пищи всё нет и нет. К вечеру Медведь уже не знал, что с собой и делать от голода и ярости. Вот в таком настроении и застал его Заяц.

— Ты что это являешься так поздно? Я тебя, такую мелюзгу, целый день должен в голоде дожидаться?! — закричал на него Медведь.

Задрожал Заяц, услыхав Медвежий крик и свирепые Медвежьи слова, да вскоре успокоился и, став перед Медведем на задние лапы, сказал насколько мог учтиво:

— Вельможный пан! Не моя вина в том, что я так поздно явился. Да и звери не виноваты. Сегодня, в день твоих именин, они ни свет ни заря отобрали для тебя нас четверых, и мы все вихрем помчались к тебе, чтобы был у тебя, вельможный владыка, нынче настоящий пир.

— Ну, и что ж? Почему ж ты так поздно являешься и где трое остальных? — спросил Медведь.

— С нами большая беда приключилась, — ответил Заяц, — Зная, что в лесу нет другого хозяина, кроме тебя, идём мы преспокойно по тропинке, и вдруг из укрепленного каменного замка выскакивает огромный Медведь — и к нам. «Стойте! — кричит. Мы оста-

новились.— Куда идёте?» Рассказали мы всё по правде. «Хо-хо!— крикнул он.— Этому не бывать! Этот лес мой, и я не позволю, чтобы вы кормили своим мясом какого-то бродягу, у которого и прав на это никаких нет. Вы мои, и я беру вас себе на обед».

Начали мы просить, умолять, стали говорить, что нынче твои именины, нехорошо будет, если в такой день останешься ты без обеда. Да где там! И слушать не хочет. «Хозяин здесь я!— кричит.— Только я один на вас право имею, и никто мне не смеет перечить». И забрал всех нас четверых в свой замок. Еле-еле я его упросил хоть меня одного отпустить к тебе. А теперь, вельможный пан, сам посуди, виноваты ли мы, что ты нынче чуть с голоду не пропал. И что делать тебе дальше?

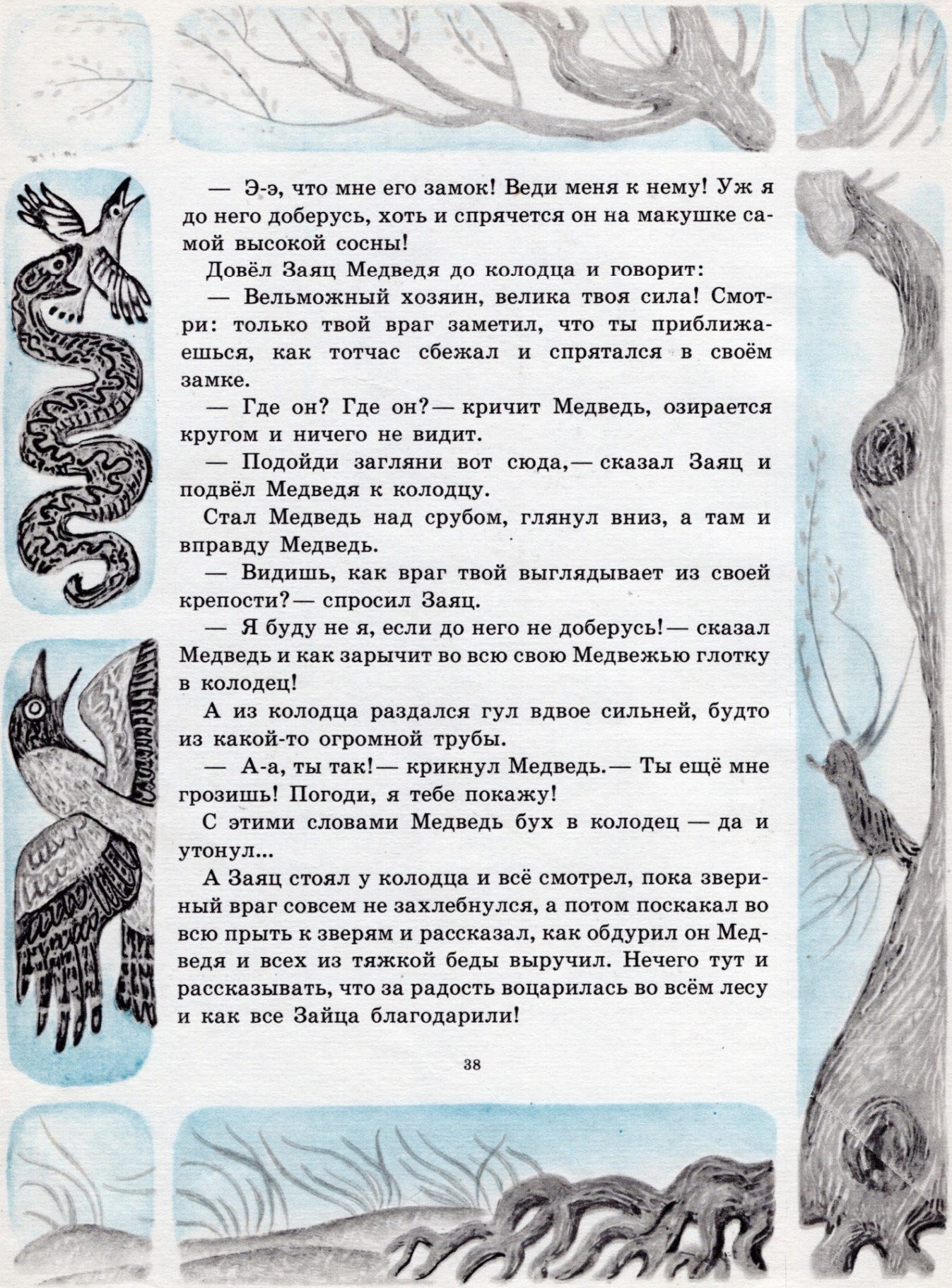
Услышал Медведь этот рассказ — так весь и ощетинился. Вся его злоба обратилась на нового соперника, что нежданно-негаданно стал ему поперёк дороги.

— Что за негодяй такой осмелился сюда забраться?— заревел он и землю когтями царапает.— Эй, Заяц, сию же минуту веди меня к нему, я его на мелкие клочья разорву!

— Вельможный пан!— молвил Заяц.— Это очень важный господин и такой страшный...

— Что-о?! Думаешь, я его испугался? Сейчас же веди меня к нему, посмотрим, кто посильней окажется!

— Вельможный хозяин, да ведь он живёт в каменном замке...



— Э-э, что мне его замок! Веди меня к нему! Уж я до него доберусь, хоть и спрячется он на макушке самой высокой сосны!

Довёл Заяц Медведя до колодца и говорит:

— Вельможный хозяин, велика твоя сила! Смотри: только твой враг заметил, что ты приближаешься, как тотчас сбежал и спрятался в своём замке.

— Где он? Где он?— кричит Медведь, озирается кругом и ничего не видит.

— Подойди загляни вот сюда,— сказал Заяц и подвёл Медведя к колодцу.

Стал Медведь над срубом, глянул вниз, а там и вправду Медведь.

— Видишь, как враг твой выглядывает из своей крепости?— спросил Заяц.

— Я буду не я, если до него не доберусь!— сказал Медведь и как зарычит во всю свою Медвежью глотку в колодец!

А из колодца раздался гул вдвое сильней, будто из какой-то огромной трубы.

— А-а, ты так!— крикнул Медведь.— Ты ещё мне грозишь! Погоди, я тебе покажу!

С этими словами Медведь бух в колодец — да и утонул...

А Заяц стоял у колодца и всё смотрел, пока звериный враг совсем не захлебнулся, а потом поскакал во всю прыть к зверям и рассказал, как обдурил он Медведя и всех из тяжкой беды выручил. Нечего тут и рассказывать, что за радость воцарилась во всём лесу и как все Зайца благодарили!

ВОРОНА И ГАДЮКА

На дуплистой широковерхой вербе над рекою свила себе Ворона гнездо.

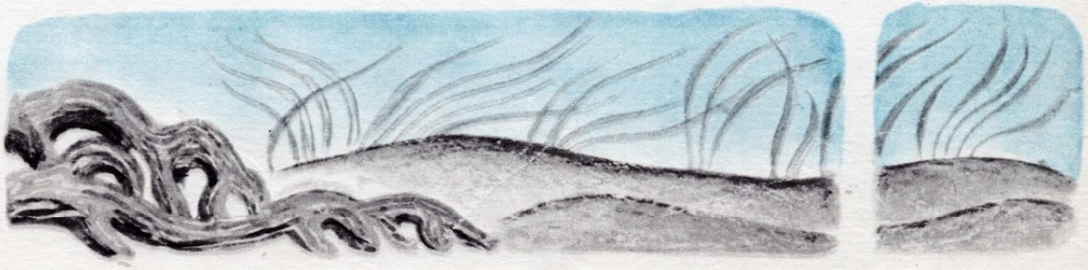
Не чуя никакой беды, нанесла яиц, высидела их, и когда вылупились Воронята, старая Ворона полетела искать для них поживы.

Но в дупле той вербы поселилась чёрная Гадюка. Она только того и ждала, чтобы Ворона вывела птенцов. И когда старая Ворона вылетела из гнезда, Гадюка немедля выползла из своей норы, забралась в гнездо, схватила одного Воронёнка и унесла себе на обед. Прилетает Ворона, видит — нет одного птенчика; покаркала, покаркала и перестала — что же ей было делать!

А на другой день — глядь! — уж и второго птенчика нет.

Не прошло и недели, Вороньи дети не успели ещё и опериться, как все исчезли. Как ни каркала, ни горевала старая Ворона, ничего не помогло. Пришлось опять нести яйца и высиживать их снова. Но и второй раз такая ж беда. Только вылупились Воронята, мать стала улетать — искать для них поживы. А Гадюка что ни день выползала, взбиралась на вербу и таскала себе одного Воронёнка за другим.

Но вот подглядела однажды Ворона, кто её злейший враг. Заметила Гадюку, когда та тащила её последнего Воронёночка. То-то было крику на всё поле! Да что из того! Хоть Ворона, стоя у входа в змеиную нору, и надрывала себе горло, браня и проклиная подлую разбойницу, Гадюка в норе пожирала её ди-



тятко и чувствовала себя в безопасности, зная, что Ворона ей ничего сделать не может.

Порассудила и Ворона, что плачем и криком ничему не поможешь, и пошла за советом к куме Лисичке, у которой недалеко на крутом берегу был свой домишко.

— Ой кумушка,— молвила Ворона,— посоветуй, что мне делать с поганой соседкой — чёрной Гадюкой! Живёт она, на мою беду, в той же вербе, на которой моё гнездо. Дважды высиживала я деточек, и всякий раз обманщица вытаскивала их из гнезда и пожирала. А мне никак к ней в нору не пробраться!

Подумала Лисичка, покачала головой, хвостиком помахала да и говорит:

— Тут, кумушка, силой ничего не поделаешь, тут надо хитростью взять.

— Я и сама это вижу,— говорит Ворона,— да вот, на свою беду, никакой хитрости не придумаю.

— А я тебе, кумушка, вот что скажу. Сюда на речку часто приходит купаться царская дочка. Ты за ней проследи, и когда царевна положит на берег золотую цепочку или другую блестящую вещицу, ты вмиг схвати ту вещицу и с нею лети, да так, чтобы царские слуги тебя заметили. Они закричат и бросятся за тобой в погоню, а ты лети прямо к вербе и брось ту вещь в змеиное дупло, а сама отлети в сторону. Посмотришь тогда, что из этого выйдет.

Послушалась Ворона Лисичкиного совета. Только царевна пришла купаться, разделась на берегу и положила на песок свою блестящую золотую цепочку,

прилетела Ворона, хвать золотую цепочку в клюв и пустилась наутёк.

Увидели это царские слуги, бросились с криком за Вороной, а та прямёхонько к своей вербе, бросила цепочку в змеиное дупло, а сама села на другом дереве, поблизости, и смотрит, что из этого выйдет.

Подбежали слуги к вербе. Они видели, что Ворона спускалась с цепочкой где-то неподалёку, а потом улетела уже без цепочки. Значит, где-то здесь должна была её сбросить. Стали искать, шарить... Наконец один увидел дупло, заглянул в него и заметил, что цепочка внутри поблёскивает. Тотчас раскопали нору, видят — лежит, свившись в клубок, большая чёрная Гадюка. И не стали допытываться слуги, виновата ли в краже Гадюка, а вытащили её из норы, убили, а цепочку забрали.

А Ворона очень была рада, видя смерть своего врага, и с той поры стала жить-поживать спокойно.

КОРОЛЁК И МЕДВЕДЬ

Шёл Медведь с Волком по лесу, как вдруг засвистела какая-то птица в кустах. Подошли ближе, а маленькая птичка с задранным хвостом скачет с ветки на ветку и посвистывает.

— Волчишка-братишка, что это за птичка так хорошо поёт? — спрашивает Медведь.

— Т-с-с, Медведь, это Королёк! — шепнул Волк.

— Королёк? — прошептал перепуганный Медведь. — Ай-ай, выходит, ему нужно поклониться?

— А как же! — сказал Волк, и они вдвоём поклонились Корольку до самой земли. А Королёк и не взглянул на них, скачет с ветки на ветку, посвистывает да задранным хвостом помахивает.

— Смотри ты, какой маленький, а какой гордый! — пробурчал Медведь. — Даже не глянул на нас! Интересно было бы хоть раз взглянуть, как там у него в палате.

— Не знаю, что из этого выйдет, — молвил Волк. — Я хоть и знаю, где его палата, но заглядывать в неё я никогда не смел.

— А что, разве страшно?

— Страшно не страшно, только как-то не приходилось.

— Ну-ка, пойдём, я загляну! — сказал Медведь.

Подошли они к дуплу, где у Королька было гнездо, и только Медведь хотел заглянуть внутрь, как тут Волк — хвать его за полу.

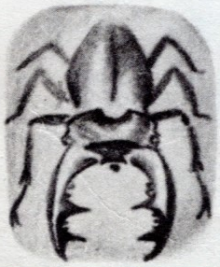
— Медведь, — прошептал он, — стой!

— А что там такое?

— Не видишь разве, вон Королёк прилетел! А вот и его Королева. Неловко нам при них заглядывать.

Медведь с Волком отошли к кустам, а Королёк и его жена влетели в своё дупло, чтобы накормить малышей. Когда они вылетели, к дуплу приблизился Медведь и заглянул внутрь. В дупле было так, как в дупле: прогнившее дерево, немного пёрышек настелено, а на пёрышках пять маленьких Корольков.

— Да разве это королевская палата?! — воскликнул Медведь. — Да это какая-то нора! А эти птенцы



пискливые — разве это королевские дети? Тьфу, до чего же паршивые эти приблуды!

И, в сердцах сплюнув, Медведь хотел идти прочь, как тут малыши-Корольки распищались в гнезде:

— Эй, эй, господин Медведь! Ты ещё и плюёшь на нас. За это оскорбление ты ответишь!

У Медведя даже мороз по шкуре пошёл от этого крика. Со всех ног помчался он от этого поганого дупла, залез в свою яму, сел там и сидит. А малыши-Корольки в гнезде так раскричались-распищались, что отец с матерью поспешили домой.

— Что тут случилось? Что случилось? — спрашивают родители и суют детям то мушку, то червячка, кто что насобирал.

— Не хотим мушек! Не желаем червяков!

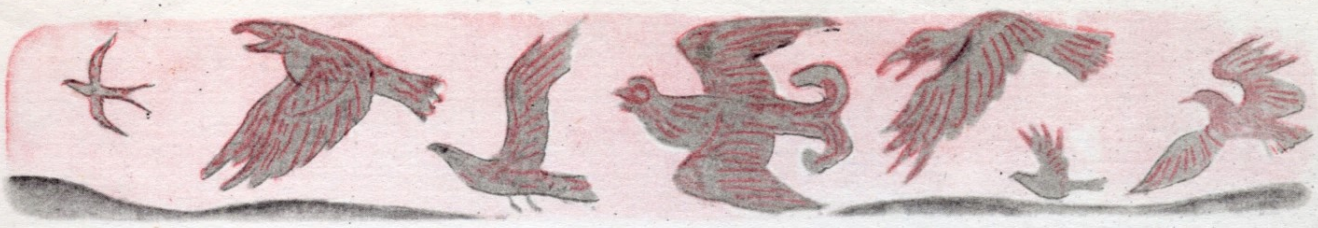
— Да что же произошло? — допытываются родители.

— Приходил сюда Медведь и назвал нас приблудами да ещё и наплевал в наше гнездо, — говорят малыши-Корольки.

— Ах, так! — закричал старый Королёк и, не долго думая, поднялся в небо и полетел к Медвежьему жилью.

— Ты, старый Бурмила, — сказал он, сев на ветку над Медвежьей головой, — что ты себе думаешь? Это же по какому праву ты моих детей приблудами обзываешь, ещё и плюёшь в моё гнездо? Ты мне за это ответишь! Завтра на рассвете начинаю с тобой кровавую войну.

Что осталось делать Медведю? Война так война. Пошёл Медведь скликать на подмогу всех зверей:



Волка, Кабана, Лиса, Барсука, Серну, Зайца — всех, кто только бегает по лесу на четырёх лапах. Королёк и себе созвал всех птиц, а ещё больше всякой лесной мелкоты: Мух, Шмелей, Шершней, Комаров — и приказал им готовиться назавтра к большой войне.

— Слушайте внимательно,— говорит Королёк,— нам нужно кого-нибудь послать на разведку во вражеский лагерь, чтобы мы узнали, кто у них генерал и каков их боевой клич.

Совет решил послать Комара — самого маленького и самого хитрого. Полетел Комар тотчас во вражеский лагерь, а там как раз совет начинается.

— С чего начнём?—говорил Медведь.— Ты, Лис, самый хитрый среди зверей, ты и будешь генералом.

— Хорошо,— согласился Лис.— Понимаете, если бы дело со зверями было, лучшего генерала, чем Медведь, нам не найти, но на этот раз мы имеем дело со всякой крылатой мелюзгой, и, может быть, я вам больше помогу. Ведь здесь главное — быстрый глаз и хитрый ум. Слушайте же мой план. Вражеское войско будет летать в воздухе. Ну и пусть себе летает. Мы пойдём прямо к гнезду Королька и возьмём в неволю его детей. Как только они будут в наших руках, мы заставим старого Королька закончить войну и сдаться нам. Вот так мы выиграем.

— Хорошо, согласны!— закричали звери.

— Будем действовать так,— продолжал Лис.— Нам нужно идти тесным строем, держаться вместе, ведь у врага есть и Орлы, и Соколы, и всякие иные птицы; если идти вразброд, каждый сам по себе, они нам глаза повыклюют. А вместе будет безопаснее.

— Верно, верно,— закричал Заяц, у которого от одного напоминания об Орлах ноги задрожали.

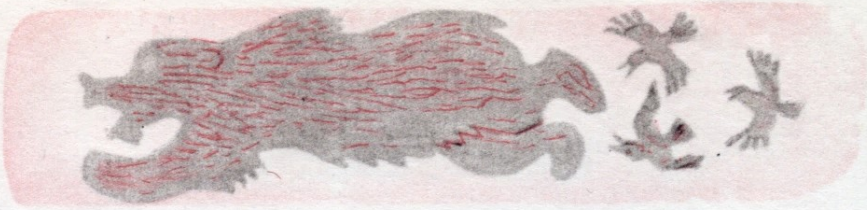
— Я буду идти впереди, а вы все за мной,— говорит Лис дальше.— Видите мой хвост — он будет нашим боевым знаменем. Все внимательно смотрите на него. Пока я буду держать хвост прямо вверх, можно идти смело. Если я запримечу какую-нибудь засаду, сейчас же опущу хвост немного ниже; это знак для вас, что нужно двигаться медленней и осторожней. А когда совсем плохо будет, тогда я подберу хвост между ног, а вы удирайте изо всех сил.

— Славно, славно!— закричали звери и стали хвалить Лиса за его рассудительность. А Комар, выслушав этот премудрый план, полетел к Корольку и рассказал ему обо всём подробно.

На следующий день чуть свет собрались звери в поход. Земля под ними дрожит, ветви трещат, рёв, крик и писк по лесу такой, что даже страх берёт. А с другой стороны начали слетаться птицы: воздух шумит, листья с деревьев осыпаются, крики, шум, кряканье.

Тесным строем пошли звери прямо к гнезду Королька; тёмной тучей летают над ними птицы, но не могут их остановить. А старый Королёк вроде бы и не думает об опасности. Увидев Лиса, как он гордо марширует впереди войска с хвостом, поднятым вверх, как свечка, он окликнул Шершня и попросил его:

— Послушай, дружок! Видишь вон того Лиса? Это вражеский генерал. Лети что есть мочи, сядь ему на хвост и ужаль посильнее.



Шершень тут же взвился в воздух, изловчился и сел Лису на живот. Почувствовал Лис, ползает что-то у него по животу; тут бы хвостом отогнать, ан нет, его хвост сейчас — боевое знамя, нельзя! А Шершень как ужалит Лиса, да в самое уязвимое место!

— Ой горюшко!— воскликнул Лис и опустил хвост наполовину.

— Что там, что там случилось?— заволновались, зашумели звери.

— Наверное... какая-то... засада,— пробормотал Лис, а у самого даже зубы от боли свело.

— Засада, засада!— разнёсся между зверями слух.— Осторожно, засада!..

А в это время Шершень как ужалит Лиса изо всей силы! Лис как взвоет от боли, как подскочит вверх, поджал хвост между ног да ходу! А звери даже и спрашивать не стали, что же там случилось, от страха бросились наутёк, куда кто мог, друг через друга. А Птицы, Осы, Комары, Шершни — за ними, на них, бьют сверху, клюют, рвут, кусают. Ужасный был бой! Те звери, что не погибли, поразбегались и спрятались по ямам, а Королёк со своими птицами и насекомыми одержали великую победу. Радостный прилетел Королёк к своему гнезду и говорит детям:

— Ну, дети, теперь можно и поесть, потому что мы одержали знаменитую победу над зверьми.

— Нет,— говорят Корольки,— мы есть до тех пор не будем, пока Медведь не придёт сюда и прощения не попросит.

Что было делать? Полетел Королёк к Медвежьей яме, сел на ветке над его головой и говорит:

— Ну, Бурмила, будешь ещё воевать с Корольком, а?

Медведь лежал да только охал, потому что в звериных войсках шёл он позади всех и во время переполоха ему здорово-таки Кабаны, Серны да Олени копытами бока помяли.

— Иди, иди, оставь меня в покое,— буркнул он.— Я десятому закажу, чтобы с тобой не связывался.

— Нет, дружок, этого мало,— промолвил Королёк.— Ты должен пойти к моему дуплу и попросить прощения у моих детей, иначе тебе ещё хуже будет.

Вот так и пошёл Медведь просить прощения у Корольков. Только тогда птенцы успокоились и снова стали есть и пить.

ЛИСИЧКА И ЖУРАВЛЬ

Лисичка с Журавлём крепко подружились. Вот Лисичка и зовёт Журавля к себе в гости.

— Приходи, Журавушка! Приходи, миленький! Что имею, того не пожалею.

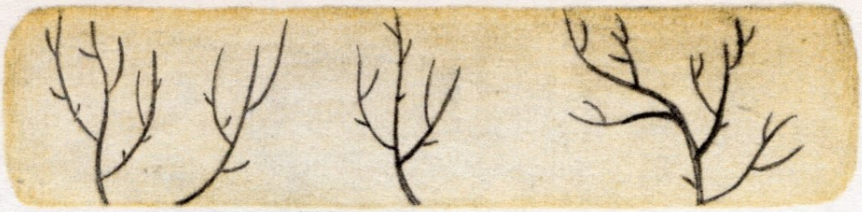
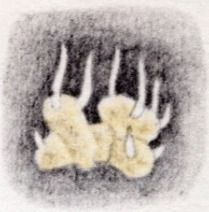
Идёт Журавль на званый обед, а Лисичка наварила кашки с молочком, размазала тонко по тарелке да и поставила перед Журавлём:

— Угощайся, не побрезгуй. Сама варила.

Журавль стук, стук клювом — ничегошеньки не поймал. А Лисичка лижет да лижет кашку, пока всю сама не съела. А не стало кашки, она и говорит:

— Извини, куманёк, больше нечем угощать.

— Спасибо и на том,— постным голосом промол-

вил Журавль.— А ты бы, Лисонька, ко мне завтра в гости пришла.

— Хорошо, Журавлик, приду, отчего не прийти,— говорит Лисичка.

На следующий день приходит Лисичка, а Журавль мяса наварил, свёклы, фасоли, картошки. Покрошил мелко, сложил в высокий кувшин с узкой шейкой да и поставил на столе перед Лисичкой.

— Ешь, кумушка. Не побрезгуй, милая моя,— приглашает Журавль.

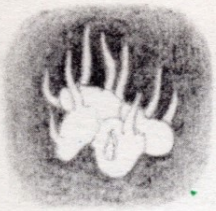
Нюхает Лисичка — вкусно пахнет! Суёт голову в кувшин — не пролазит голова. Пробует лапкой — не вытянет. Крутится Лисичка, прыгает вокруг кувшина, а Журавль кусочек за кусочком клювом подхватывает, пока всё не съел.

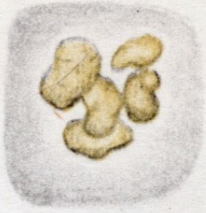
— Извини, милая,— говорит, опорожнив кувшин,— чем хата богата, тем и рада, а больше на этот раз ничего нет.

Рассердилась Лисичка, даже за гостеприимство не поблагодарила. Она, видите ли, думала, что на целую неделю наестся, а тут пришлось идти домой несолоно хлебавши. С той поры и зареклась Лисичка с Журавлями дружбу водить.

ЛИСИЧКА-КУМА

Жили-были Волчишка-братишка и Лисичка-сестричка. И задумали они честно на хлеб зарабатывать. Нашли клочок поля и условились посадить картошку. Спозаранку поднялись они на работу — ямки копать да картошку сажать. Дома позавтракали, а что-





бы время не терять, домой в полдень не бегать, прихватили с собой обед: горшок мёду и корзину с паляницами. Положили еду в кусты, а сами принялись за работу.

Копают, копают... Но Лисе быстро надоел честный труд. Стала она притворяться, будто копает, а у самой на уме, как бы в кустах медком полакомиться. Вот в ближнем болоте в камышах закричала во всё горло Выпь:

— Гуп-гуп-гуп!

— Сейчас, сейчас, сватья,— заторопилась Лиса, будто это её звали. И уже бросила мотыгу, собралась идти.

— Лисонька, куда же ты?— спрашивает Волчишка-братишка.

— Разве ты не слышишь, сватья Выпь зовёт меня.

— А зачем?

— Да мы ещё вчера уговорились: крестины у неё, просит меня быть кумой.

— Коли так, иди, да не задерживайся.

— Я мигом!— молвила Лисичка.— Ты копай дальше, я тебя догоню.

Побежала Лисичка в кусты и— к горшку, поела всласть мёду, закусила паляницей, всё аккуратно завязала, облизалась и вернулась к Волчишке, хвостом помахивает.

— Ну что, побывала на крестинах?— спрашивает Волчишка.

— Да уж была,— отвечает Лисонька.

— А кто же там родился?

— Мальчик.

— И как же его назвали?

— Вершочек.

— Вот это имя! Никогда такого не слыхивал,— говорит Волк. Но Лисичка промолчала и с рвением принялась за работу.

Может, час прошёл, а может, и два,— снова Лисичке медку захотелось. И как только Выпь закричала на болоте, она во весь голос в ответ:

— Сейчас, сватья, сейчас!

— Ты куда, Лисонька?— спрашивает Волк.

— Видишь ли, у сватьи второе дитя родилось, ещё раз на крестины приглашает.

— Ну, коли просит, иди, да не задерживайся.

— Я мигом!— сказала Лиса и шмыгнула в кусты. Принялась за мёд, паляницей закусила, так что из общего обеда мало что и осталось. И возвратилась к Волку.

— А, ты уже здесь! Закончились крестины?

— Как видишь.

— А кто же родился?

— Девчонка родилась.

— Как её назвали?

— Серединка.

— Странно! Я и не слыхивал такого имени,— удивился Волк.

— У Выпей, Волчишка-братишка, всегда такие необычные имена дают. На то они и самые голосистые птицы.

Поработали ещё с часок, и Лисе снова запах мёда слышится. И только Выпь закричала в камышах, Лиса тотчас отозвалась:

— Иду, сватья, иду!

— Ты куда спешишь, Лисонька?

— Разве не слышишь, меня ещё раз кумой просят стать!

— Что за чудеса, отчего это тебя так часто в кумы приглашают?— удивляется Волк.

— Потому что любят меня, Волчишка-братишка.

— Ладно, иди, да не задерживайся, пора работу заканчивать.

— Сейчас же вернусь, Волчишка-братишка. Работай, не бойся, я своё сделаю.

Побежала Лисичка в кусты, выела из горшка остаток мёда, доела паляницы, всё попереворачивала и возвратилась к Волку.

— Что, уже закончились крестины?

— Да уж закончились.

— А кто же снова родился?

— Мальчик.

— А как же назвали его?

— Остаточек.

— Ну что ж, пусть растёт здоровым да счастливым!

Копали Волк с Лисой, копали, вот и обед настал.

Волк давно проголодался, да как-то всё стеснялся признаться, но потом бросил мотыгу и говорит:

— Всё, довольно, не пора ли и пообедать?

— Пора, конечно, пора, Волчишка-братишка,— говорит Лисичка и делает вид, будто копает, работой увлечена.

— А ты что, не голодна?

— Конечно, нет! Обедай сам, меня на крестинах угостили.

Пошёл Волк в кусты, глянул — эге! Горшок пуст, даже вылизан от мёда, корзинка перевёрнута, и ни крошки от паляниц не осталось. Только теперь смекнул Волк, куда это Лисичка-сестричка на крестины так часто ходила. Только теперь до него дошло, почему она своим крестникам такие странные имена давала.

— А, так вот ты какая, гадкая Лиса! — воскликнул Волк. — Хочешь меня работой и голодом заморить, а сама всю еду слопала! Погоди же! Я за это тебя разорву и пир устрою.

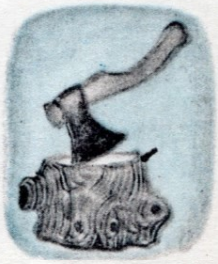
Услыхала Лиса волчьи крики, увидала, какой бежит он, злющий и недобрый, и не стала долго ждать. Дала волю ногам — и в лес, а в лесу — шасть в первую же нору, которую приметила под корнями старого дуба. Думала, что надёжно там спрячется, но Волк успел приметить кончик мелькнувшего лисьего хвоста. Подбежал Волк и кричит:

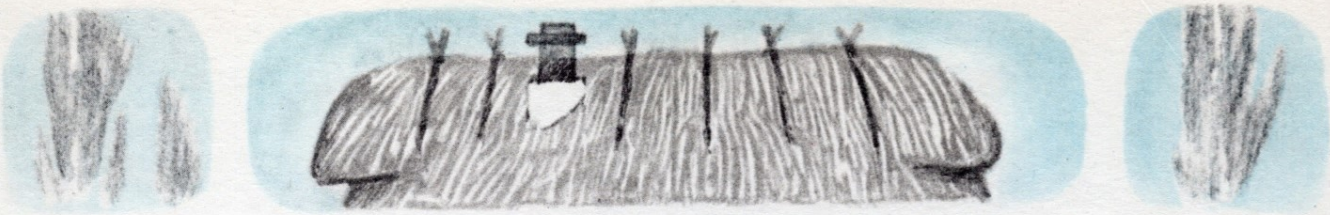
— Ага, вот ты где! Вылезай сейчас же! От меня не спрячешься.

Но Лисичка не глупа. Сидит в норе, как воды в рот набрала.

— Не откликаешься? Ладно. Подожди немного, я тебя всё равно достану.

Прыгнул Волк, выломал длинную клюку и стал её в нору тыкать. Думал подцепить Лисичку за ногу да и вытащить из норы. Не успела опомниться Лиса, а клюка хвать её за ногу. Нора тесная, а Волк, услышав, что подцепил что-то, тянет изо всех сил. Но Ли-





сичка, хоть от страха у неё мурашки по спине забегали, вида не подаёт, хохочет и кричит:

— Вот глупый! Зацепил дубовый корень и тянет. Думает, что за ногу меня ухватил. Тяни, дурачина, тяни!

Услышав это, Волк отпустил лисичкину ногу и снова стал совать туда-сюда клюкой, пока и в самом деле не зацепил дубовый корень.

— Ай-ай-ай! Моя ноженька!— закричала Лиса, а глупый Волк на радостях так стал тянуть, пока вконец не измучился и не сломал клюку. А тогда плюнул, пошёл прочь и решил больше никогда с Лисой не связываться.

ВОЙНА СОБАКИ И ВОЛКА

Жил однажды у хозяина Пёс, и был он в большой дружбе с Волком. Сойдутся, бывало, на лесной опушке, под старым дубом, и беседуют о том да о сём. Пёс рассказывает Волку, что в деревне слышно, а Волк передаёт Псу лесные новости.

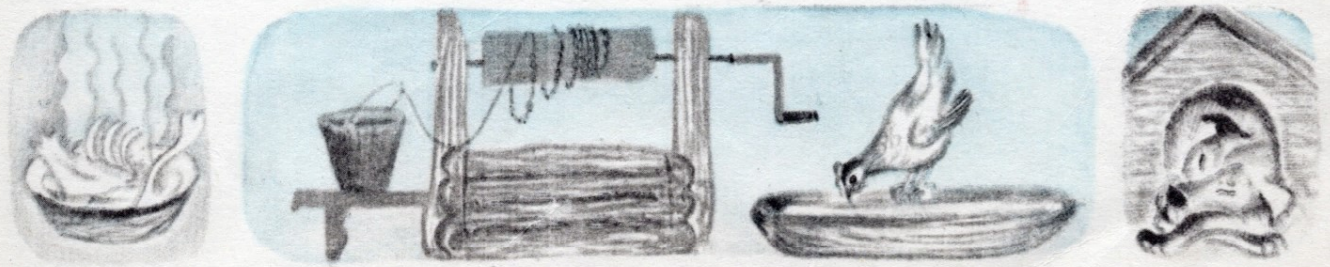
Вот раз Волк и говорит Псу:

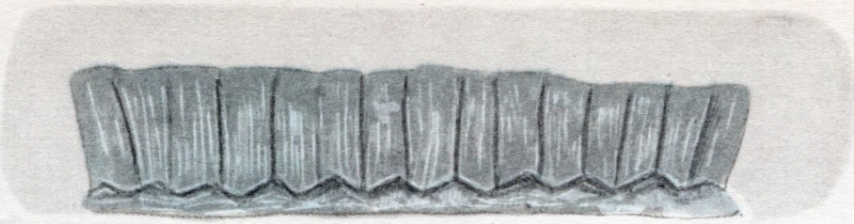
— Послушай, Бровко! Слыхал я, что у твоего хозяина Свинья опоросилась.

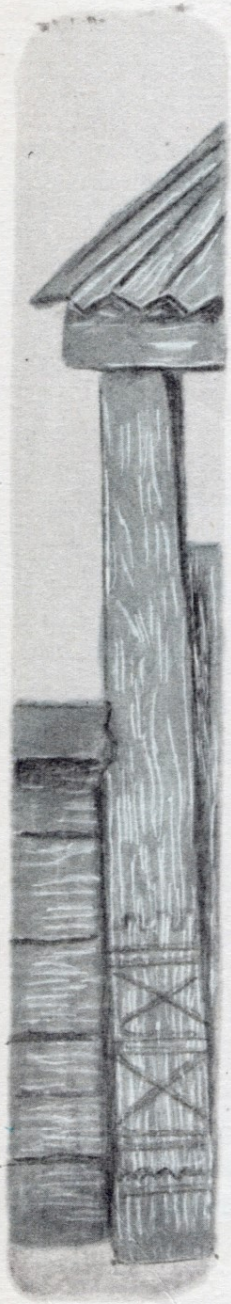
— Это правда. Двенадцать поросят принесла. Такие кругленькие, красивые, розовенькие, даже глядеть любо!

— Ай-ай-ай!— зачмокал Волк.— У меня слюнки так и текут! Двенадцать, говоришь? Эх, надо бы нынче ночью к ним наведаться.

— Нет, Волчишка,— сказал Пёс,— ты этого не де-







лай! Помнишь, какой был между нами уговор? Мы будем приятелями, я буду тебе рассказывать про все новости в деревне, но ты за это никогда не будешь ходить к моему хозяину. А если ты ему причинишь вред, нашей дружбе конец.

— Эка важность!— сказал Волк.— Стоит ли нам из-за таких пустяков ссориться! Ведь поросят-то двенадцать! Даже и незаметно будет, если я одного-двух зарежу.

— Нет, Волчишка,— предостерегал его Пёс,— ты к нам не ходи, а то беда будет.

— Какая беда? Не бойся! Я так тихонько залезу в хлев, так осторожно там управлюсь, что никто и не услышит.

— Но я-то услышу.

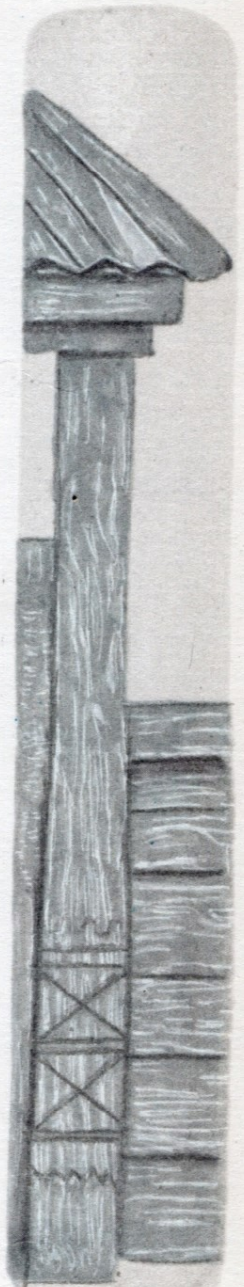
— Ты?.. Я надеюсь, ты будешь молчать, не станешь своего приятеля выдавать.

— Хорошо тебе говорить,— печально сказал Пёс.— Не выдавать приятеля! Но хозяин-то мой мне ещё больший приятель, он меня кормит. Как же мне спокойно смотреть на его убытки? И что скажет он мне потом?

— Делай как знаешь,— сказал Волк,— а мне к твоим свиньям надо наведаться, и советую тебе помалкивать.

Наступила ночь. Волк сдержал слово, приплёлся из лесу и крадётся прямиком к хлеву. Увидал это Пёс и думает:

«Что делать? Подожду маленько. Если Волк и на самом деле справится без шума, пусть делает, что хочет. Но чуть услышу крик в хлеву — молчать не стану».



И правда, только просунулся Волк сквозь щель в хлев, почуяла его Свинья да как завопит! А поросята как захрюкают, а Пёс, услыхав это, как залает, как завоет! Кинулись хозяева в хлев, а там Волк. Набросились на него, и, пока успел бедняга сквозь щель пролезть, ему так досталось на орехи, что два дня никуда не ходил, всё лежал в лесу и раны зализывал.

Пёс уже не ходил на опушку леса на беседу с Волком, но спустя некоторое время Волк сам явился к нему вечером, стал за воротами и говорит:

— Эх, Бровко, вот какой ты добрый приятель! Погоди, погоди, я это тебе припомню!

— А разве я тебе не говорил, чтоб ты к моему хозяину не ходил?— сказал Бровко.

— А разве я не велел тебе молчать?— огрызнулся Волк.

— Да ведь ты говорил, что справишься в хлеву тихо, помнишь? Пока было тихо, я молчал. А зачем же ты со Свиньёй ссору завёл?

— Да кто там заводил с ней ссору!— злобно буркнул Волк.— Только я в хлев, а она — в крик. Но я буду не я, если ей это прощу. Слушай, Бровко, не дури! Дай мне слово, что будешь молчать, а я нынче ночью приду к Свинье в гости.

— Мне что, приходи,— молвил Бровко,— только помни, чтоб было в хлеву тихо. А подымешь шум — не смолчу.

С этим Волк и ушёл, а в полночь опять сунулся в хлев. Да Бровко был не дурак — шепнул Свинье, чтобы та не спала и была настороже: обещал, дескать, Волк к ней наведаться. Не успел Волк и голову в щель

просунуть, как Свинья с поросятами такой в хлеву визг подняли, а Бровко так жалобно завыл под окнами дома, что Волк со всех ног кинулся удирать в лес.

Прошло опять несколько дней. Бровко не ходил к дубу на беседу с Волком, а Волк к Свинье не наведывался.

Но вот однажды вечером смотрит Бровко — стоит Волк за воротами и машет ему. Подошёл ближе.

— Ну что, Бровко,— говорит ему этак ласково Волк,— чего ж ты в лес не выходишь? Забыл, что ли, старого приятеля? Не тянет тебя побеседовать?

— Не тянет,— говорит Бровко.

— Ах ты предатель!— крикнул на него Волк.— Ты думаешь, что я тебя прощу? Думаешь, я не знаю, что ты Свинью предупредил? Но постой, выйдешь ты у меня когда-нибудь за ворота — я буду не я, если тебя не подстерегу! А тогда, будь уверен, придётся тебе с жизнью проститься!

— Ну что ж делать,— молвил Бровко.— Один ведь раз мать родила, один раз и помирать. Но помни и ты, Волк, что и тебя я могу подстеречь, и не уйти тебе тогда от беды.

— Ах ты собачья шкура!— свирепел за воротами Волк.— Ты ещё смеешь мне угрожать! Если так, будь готов со мной воевать. Посмотрим, чья возьмёт. Ты должен на третий день явиться со своим войском на поляну к дубу. Понятно? А не явишься, горе тебе будет! Тогда я приду со своими рыцарями сюда, вытащим тебя за уши из собачьей конуры и разорвём в клочья.

С тем Волк и ушёл. Прибежав в лес, он направился

прямо к Медвежьей берлоге и, став перед Медведем, вежливо ему поклонился и говорит:

— Слушайте, дядя Бурмила, я к вам с большой просьбой. Вышла у меня с Псом Бровком ссора, и я объявил ему войну. Так не будете ли вы добры оказать мне помощь?

— Разумеется, окажу!— ответил Медведь.

Радостный побежал Волк дальше и повстречал по дороге дикого Кабана.

— Слушайте, дядька Клыкач,— молвил Волк,— окажите мне помощь! Через три дня будет у меня большая война с Псом, вот я и собираю самое отборное лесное рыцарство.

— Хорошо,— сказал Кабан.— Конечно, помогу.

А третьего позвал Волк Лиса Микиту. Пораздумали вместе и решили, что сил у них уже достаточно. Когда наступил назначенный день битвы, отправились они к дубу, ожидая противника.

Сильно опечалился Пёс Бровко, узнав, какую войну затевает с ним Волк.

«Что же мне теперь делать на свете?— думал он.— И каких мне рыцарей созывать на эту войну? Нет, видно, придётся мне погибать».

Так думал бедный Бровко день, думал второй и ничего не мог надумать. Уже и еда ему в горло не лезет. Понурил голову, ходит сам не свой.

— Эй, Бровко, что это с тобой?— окликнул его Кот Мурлыка, добрый его товарищ и приятель.

— Эх, да что тебе говорить!— нехотя ответил Бровко.— Горе мне, да и всё! Наверно, и ты мне не поможешь.

— Ну, расскажи, расскажи!— настаивал Мурлыка.— Помогу не помогу, а хоть печаль твою развею.

Рассказал Бровко Коту Мурлыке про свою ссору с Волком.

— Не горюй, братец,— молвил Мурлыка,— я тебе помогу. Только ступай позови ещё Гусака и Селезня. Надеюсь, что не осрамимся мы в этой войне.

Послушался Бровко умного совета, пригласил Селезня и Гусака, и те обещали ему в войне свою помощь.

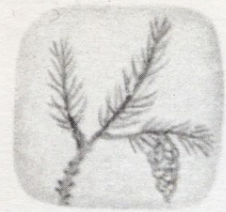
Настал условленный день. Ни свет ни заря Бровко уже выступил со своим рыцарством в поход. Идёт впереди Гусак и всё гогочет, прямо как в барабан бьёт: тра-та-та, тра-та-та! За ним следом маршируют Бровко и Мурлыка, подняв вверх хвосты, словно вояки ружья, а сзади идёт Селезень и всё головой к земле припадает и рассудительно приговаривает: так-так-так, так-так-так.

А тем временем Волк, поджидая врагов, велел Медведю взобраться на дерево и наблюдать за приближением вражеского войска. Лис Микита вышел вперёд и поднял хвост, как знамя. Волк стоит под дубом, а Кабану приказано зарыться в кучу листьев и сидеть там в засаде, чтоб в решительную минуту вызвать среди врагов смятение.

Вот показалось вражеское войско.

— Слушайте, братцы!— кричит с дерева Медведь.— Идут, идут уже наши враги! Да и страшные же! Впереди идёт барабанщик... Слышите, как барабанит?

— Слышим,— боязливо ответили рыцари.



— А за ним идут двое свирепых стрелков с ружьями.

— Ой, беда! — воскликнули в один голос Волк и Лис. — Достанется ж нам!

— А сзади идёт какой-то колдун, тем стрелкам дух подымает, видно, пули за ними подбирает да всё на землю показывает и говорит: так-так-так!

— Ой, это он по мою душу явился! — простонал Кабан, лёжа под листьями.

— Что ж нам, братцы, делать? — спросил Волк. — Ведь не годится же нам бежать с поля битвы, даже не сражавшись. А ну, смелее на них!

Но не успел он кончить свою речь, как Кот увидел издали: что-то шевелится и шелестит среди листьев. Кот подумал, что это мышь, и во всю прыть кинулся туда. А то был хвост Кабана, который лежал смирнёхонько под листьями, но с перепугу невольно шевелил хвостом. Вцепился Кот острыми когтями Кабану в хвост и начал его грызть зубами. Ошалев от страха и боли, взвыл Кабан и бросился бежать. А Кот, ещё больше того испугавшись, зафыркал, выгнул спину, кинулся, как стрела, к дубу и стал на него взбираться.

— Ой! — закричал Медведь, следивший сверху за ходом битвы. — Это, верно, смерть моя лезет!

И полез выше, спасаясь от лютого врага. Да второпях ухватился за такую тоненькую ветку, что та его не выдержала, сломалась, и бедный дядька, как колода, рухнул с дерева наземь. Да теперь не до того было, чтобы полёживать! Пёс, увидев Лиса, кинулся на него и схватил — правда, пока не за голову, а только за хвост. Бедняга Лис дёрнулся изо всех сил и, оставив

хвост в зубах у Бровка, бросился бежать. И в эту же минуту Медведь рухнул с дерева и, хоть был он еле живой от боли и страха, всё-таки поднялся на ноги и кинулся в лес. Разумеется, после такого страшного разгрома всего рыцарства и Волку не оставалось ничего другого, как уносить ноги.

Вот так одержали Пёс со своими товарищами блестящую победу над Волком. Весело пошли они домой. А разгромленные рыцари собрались в лесной трущобе возле Медвежьей берлоги и стали вспоминать, какие ужасы им пришлось испытать в эту войну.

— Э-э, не хитро было нас победить с двумя ружьями!— сказал Волк.

— А мне, братцы, смотрите, какой кусище хвоста мечом отрубили!— молвил Кабан.

— А на меня не иначе как бомбу бросили, весь хвост начисто оторвали!— сказал Лис Микита.

— А я и не знаю, что со мной было,— простонал Медведь.— Помню только, что в первый и последний раз в жизни я пробовал летать! Ну его!.. Лететь-то ещё так-сяк, но садиться очень уж плохо.

ТРИ МЕШКА ХИТРОСТЕЙ

Дело было осенью. Бежит Лисичка полевой дорожкой и встречает Ежа.

— Добрый день, Ежак-бедняк!— крикнула Лисичка.

— Здравствуй, Лисичка-сестричка,— ответил Еж.

— Знаешь что, Ёжик? Пойдём вместе со мной!

— А куда ты идёшь?

— Да иду вон в тот сад есть виноград.

— А он, Лисичка, не кислый?

— Да какой там кислый! Сказала Сорока-белобока, что слыхала от Куницы — молодой девицы, будто та видала, как хозяин пробовал и хвалил, что сладок, пора собирать. Пойдём наедимся, ещё и детям по грозди принесём.

— Нет, Лисичка,— говорит Ёж,— не пойду я с тобой, боюсь. Там хозяин хитёр, силков понаставил, ещё поймаюсь.

— Не бойся, Ежак-бедняк!— смеясь, говорит Лисичка.— Есть у меня три мешка хитростей, и я уж не я буду, если тебя из силка не выручу.

— Ну, коли так, пускай будет так!

Пошли вместе, забрались в сад, наелись винограду и уже хотели было назад возвращаться, а тут вдруг — дёрг!

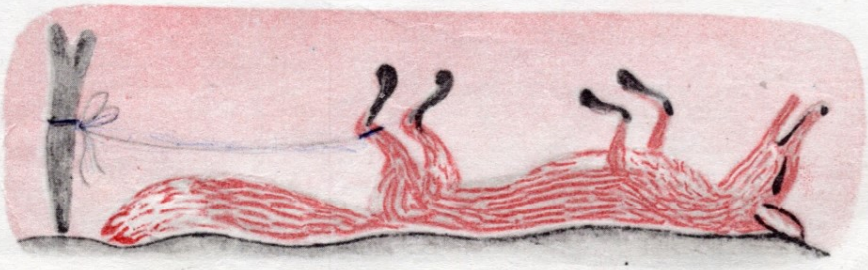
Ступила Лисичка неосторожно и поймалась в силок. Дёрнула раз, дёрнула другой — куда там! Не пускает силок, за ногу держит.

— Ой, Ёженька-братец,— кричит Лисичка,— выручай!

— Как же я тебя, Лисичка, выручу?— говорит Ёж.— Доставай свои три мешка хитростей и сама себя выручай!

— Да где там у меня мешки!— плачет Лисичка, а сама от страха так и трясётся.— Видишь ли, прыгала я через речку, все три мешка оборвались и в воду попадали... Ёженька-братец, пораздумай-ка ты — может, у тебя какая хитрость найдётся.

— У меня только одна,— говорит Ёж,— да не



знаю, придётся ль она тебе по вкусу. Ложись на том месте, где поймалась, и лежи, раскинь лапки и еле дыши, будто померла. Увидит тебя хозяин, подумает, что ты уже дохлая, и выбросит тебя за плетень.

Послушала Лисица Ежа, притаилась, лежит, будто давно уже подохла. Приходит хозяин, увидал её — так нос и зажал!

— Вот досада! — говорит он. — Несколько дней силка не проверял, а тут какая красивая Лисица поймалась и уже гнить начала. Какая от неё теперь польза?! Выбросить за плетень — да и всё.

Вынул Лисицу из силка, взял её осторожно за хвост и выбросил через плетень в крапиву. А Лисице только того и надо было. Как бросится она со всех ног бежать — только трава зашелестела.

Прошло два дня, четыре дня — бежит опять Лисичка полевой дорожкой и встречает Ежа:

— Добрый день, Ежак-бедняк!

— Здравствуй, Лисичка-сестричка, — отвечает Еж.

— Пойдём со мной в сад есть виноград.

— А не страшно ли, Лисичка, после того, что было третьего дня?

— Э, что там! У меня три мешка хитростей, как-нибудь да выкручусь.

Пошли вместе, забрались в сад, наелись винограду и хотели было уже назад идти, как вдруг — дёрг! Ежак-бедняк как-то недоглядел и поймался в силок.

— Ой, Лисичка-сестричка! — кричит бедняга. — Поймал меня силок, не пускает. А ну, доставай свои три мешка хитростей и выручай меня из петли.

— Ой, голубчик,— говорит Лисичка,— пропали мои хитрости все до одной. Прыгала я через речку — и оборвались все три мешка и бултыхнулись в воду.

— Что ж, видно, такая моя судьба,— здесь помирать придётся. Прощай, Лисичка-сестричка! Прости мне все обиды, что я тебе причинил.

— Прощаю, Еженька,— говорит Лисичка, утирая слёзы,— от чистого сердца прощаю!

— Подойди, Лисичка-сестричка, обнимемся ещё раз на прощанье!

Обняла Лисица Ежа, хоть было ей это противно. Да что ж, умирать бедняга собирается, как же не исполнить его последнюю волю!

— Поцелуй меня, Лисичка-сестричка, в самые губы,— просит Еж.— Мы ведь с тобой, как брат с сестрой, век прожили.

Наклонилась Лисичка к Ежу, чтоб его поцеловать, и только прикоснулась языком к его губам, а Еж — цап!— схватил её зубами за язык и держит. И как ни крутилась, ни вертелась Лисица, как ни молила, ни плакала, Еж крепко держал её зубами за язык, пока не пришёл хозяин. Увидав, что Еж поймался в силок и держит Лисицу за язык, он рассмеялся. Лисицу убил, а Ежа на волю пустил.

МУРКА И БУРКА

Жил-был у одного хозяина Кот Мурка, а у другого Пёс Бурка. Хотя Пёс и Кот, по обычаю, друг друга недолюбливают, но Мурка с Буркой сызмала были большими приятелями.

Вот однажды, в самые жнивы, когда все из дому ушли на поле, бедный Мурка ходил по двору голодный и жалобно-прежалобно мяукал. Утром хозяйка, собираясь на поле, забыла его покормить — придётся, видно, бедняге терпеть до самого вечера. Идти до леса было далеко, под стрехой воробышков не слыхать. Что тут бедному Мурке делать?

«А,— подумал он про себя,— вон там у соседа на крыше амбара голуби водятся. Я как-то глазком глянул, вижу — сидят в двух гнёздах молодые голубки, такие откормленные и жирные, словно подушечки. Вот бы мне хоть одного такого голубка! Да Бурка по двору ходит, амбар стережёт. Хотя мы с ним и приятели, но я хорошо знаю, что на крышу амбара он меня не пустит. Напрасно с ним о том и говорить. Истинно собачья у него верность!»

Но голод не тётка. Мурка всё больше и больше чувствовал, что в животе у него пусто, и стал раздумывать, как бы ему обмануть Бурку и выпроводить его куда-нибудь со двора. На голодный желудок мысли приходят в голову быстро. Вот и бежит вскоре мой Мурка к Бурке, будто с какой-то доброй вестью.

— Слушай, Бурка!— кричит он издалека.— А я к тебе с доброй весточкой. Сидел я только что за деревней на высокой липе — знаешь, вон там, у перекрёстка. Сижу я и воробышков караулю. Глядь — бежит из соседней деревни по меже какой-то пёс и тащит в зубах колбасу, да такую длинную, что оба конца так по земле и волочатся. Принёс её под липу, огляделся кругом, не подглядывает ли кто, выкопал быстро у корня глубокую яму, спрятал в неё колбасу и ещё

камнем завалил, чтобы не забыть где, и побежал! Вот благодать-то какая! Я еле на липе усидел — так мне запах в нос и ударил. Но какой от того прок! Не мог я колбаской поживиться: камень-то ведь тяжёлый, да ещё этот плут глины навалил много. Вот, может, ты, братец...

Не успел Мурка закончить свой рассказ, а Бурка уж вскочил и вихрем помчался за деревню искать под липой колбасу. Он, бедняга, тоже не досыта наедался, мясо редко и нюхал, а колбаса ему, пожалуй, только во сне снилась. А тут этакая благодать под липой закопана, да ещё камнем завалена!

Пустился Бурка бежать — так пыль за ним столбом и поднялась. А Мурке только этого и надо было. Не тратя лишнего времени, взобрался он по столбу на амбар, облюбовал голубка пожирнее, схватил его зубами, задушил — и бегом с ним домой. Потом взобрался на плетень, положил голубка перед собой и начал, весело мурлыкая, его уплетать.

Тем временем прибежал Бурка к липе, ищет, нюхает, шарит — нет ни камня, ни глины, а колбасой и не пахнет. Возвращается бедняга домой несолоно хлебавши, бежит прямо на усадьбу к Мурке, чтоб попрекнуть приятеля, зачем он его обманул, но, остановившись за углом, слышит, как Мурка, облизывая голубиную кровь, сам с собой разговаривает:

— Вот дурак-то Бурка! Наверно, роется под липой, язык высунув, и колбасу ищет, а не знает того, что я так славно голубком пообедал!

Задела Бурку за сердце такая лживость приятеля, и решил он ему отплатить.

Подходит он, улыбаясь, к плетню и говорит:

— Эх, Мурка, Мурка! Ты думаешь, что ты меня обманул, что я поверил твоим россказням про колбасу? Ведь я за плетнём сидел и видел, как ты с крыши нашего амбара схватил голубка. И зачем тебе от меня таиться? Почему бы не сказать прямо? Что я, приставлен голубков сторожить?.. Это ведь не моё добро. Я и сам был не прочь съесть иной раз одного-другого. Вот хотя бы и сейчас... А ну, ступай принеси мне голубка и себе можешь взять ещё одного.

Слыша такие речи, Мурка совсем успокоился: ведь известно, вор всегда рад узнать, что и другой, кого считал он честным, такой же вор, как и он. И спрыгнул Мурка с плетня, чтоб поздороваться с Буркой, а тот цап его за горло — и разорвал.

КРАШЕНЫЙ ЛИС

Жил-был в одном лесу Лис Микита, хитрый-прехитрый. Сколько раз гонялись за ним охотники, травили его собаками, капканы ему ставили, отравленного мяса подбрасывали, а ничем извести не могли.

Лис Микита только над ними посмеивался, обходил всякие опасности да ещё и товарищей своих предостерегал. А уж как выберется на охоту — то ли в курятник, то ли в амбар,— не было тогда смелей, находчивей и ловчей вора, чем он. Дошло до того, что он не раз даже среди бела дня выходил на охоту и никогда не возвращался с пустыми руками. Такая удачливость и хитрость сделали его страшно гордым.

Ему казалось, что нет для него ничего невозможного.

— Вы что думаете! — хвастался он перед своими товарищами. — До сих пор я ходил по деревням, а вот завтра пойду среди бела дня в город и стащу курицу прямо на базаре.

— Э, брось, не говори глупостей! — уговаривали его товарищи.

— Каких «глупостей»? А вот увидите! — хорохорился Лис.

— Может, увидим, а может, и не увидим. Там по улицам Собаки сворами бродят — разве блохой обернёшься, чтоб тебя не заметили и не разорвали.

— Вот увидите, и блохой не обернусь, и меня не разорвут! — твердил своё Лис и порешил завтра же бежать в город и стащить на базаре курицу.

Но на этот раз бедный Микита всё-таки просчитался. Через конопляники и кукурузное поле спокойно пробрался он до самого предместья; огородами, перескакивая через плетни, скрываясь среди зелени, добрался он до самого центра города. А тут-то беда! Надо бы хоть на минуточку выскочить на улицу, сбегать на базар и назад вернуться. А на улице и на базаре крик, шум, толчея, возы скрипят, колёса стучат, кони гремят копытами, свиньи хрюкают, орут торговцы, крестьяне кричат — одним словом, такой шум и гам, какого наш Микита и наяву не слыхал и во сне не видал.

Да что делать! Взялся, так нужно кончать. Посидел часок-другой в бурьяне у плетня и малость с этим шумом освоился. Отделавшись от первого испуга, хоро-

шенько осмотревшись, куда и как лучше бежать, Лис Микита набрался смелости, разбежался и одним махом перескочил через плетень на улицу. По улице шло и ехало много людей, пыль стояла столбом. Лиса мало кто и заметил, никому не было до него дела. А Микита и рад был тому. Съёжился, пригнулся и по рву как махнёт прямо на базар, где длинными рядами сидели бабы, держа в решетах и корзинах яйца, масло, свежие грибы, полотно, семечки, кур, уток и прочие столь же прекрасные вещи.

Не успел он добежать до базара, как вдруг навстречу ему Собака, с другой стороны подбегает ещё одна, а там и третья. Собак-то нашему Миките уж не обдурить. Сразу учуяли, кто он таков, зарычали да как кинутся на него! Завертелся наш Микита, как муха в кипятке. Что тут делать? Куда деваться?

Не долго думая, шмыгнул в первые открытые сени, а из сеней — на подворье. Притаился там и высматривает, куда б это спрятаться, а сам прислушивается, не гонятся ли за ним Собаки. Ох! Уж слышно! Уж близко!.. Видит Лис — стоит во дворе в углу какая-то бочка. Не долго думая, он прыг в ту бочку и спрятался.

И как раз вовремя. Только он скрылся в бочке, как прибежала целая свора Собак. Лают, рычат, разнюхивают.

— Он здесь! Здесь он был! Ищите его! — кричат передние.

И вся свора разбежалась по тесному двору, по всем уголкам шарят, нюхают, роются. А Лиса и след простыл. Несколько раз подходили и к бочке, но противный запах, который шёл от неё, отгонял их. Наконец,

6 126 -6

ничего не найдя, они побежали дальше. Лис Микита был спасён.

Спасён, но как!

Бочка, так неожиданно подвернувшаяся ему, была почти полна синей, густо разведённой на олифе краски. Жил в этом дворе маляр, красил дома, заборы и садовые скамьи.

Как раз завтра собирался он красить большой забор, приготовил себе сразу целую бочку краски и поставил её в углу во дворе. Плюхнувшись в краску, Лис Микита сначала окунулся в неё с головой и чуть было не захлебнулся. А потом, упёршись задними ногами в дно бочки, стал так, что весь погрузился в краску, и только морда, тоже выкрашенная в синий цвет, еле высовывалась из неё. Так переждал он, пока миновала страшная опасность. Сильно билось сердце у бедняги, голод выворачивал кишки, душил запах краски, да что было делать! Хорошо, что ещё жив! Да и то, кто ещё знает, что потом будет. А вдруг подойдёт хозяин бочки и найдёт его здесь?

Прямо умирая от страха, бедный Лис Микита сидел в краске тихо до самого вечера, хорошо зная, что появись он теперь в таком виде на улице, так уж не только Собаки, а и люди бросятся за ним и живым его не отпустят.

Только когда стемнело, Лис Микита очертя голову выскочил из своей необычной купели, перебежал улицу и, никем не замеченный, шмыгнул в сад, а там по бурьянам, через плетни, через капусту, через кукурузу удрал в лес. Долго ещё тянулся за ним синий след, пока краска маленько не пообтёрлась и не обсохла.

Уже сильно стемнело, когда Микита добежал до леса, да и то не с того краю, где был его дом, а совсем с противоположного. Был он голодный, измученный, еле живой. До дома нужно было бежать ещё версты две, а сил уже не хватало. Подкрепившись маленько несколькими яйцами из гнезда Перепёлки, он вскочил в какую-то пустую нору, разгрёб листья, зарылся в них с головой и крепко заснул, словно после баньки.

Поздно ли, рано ли он поднялся на следующий день, об этом уж в книгах не написано. Проснувшись после глубокого сна, приятно позёвывая, сплюнув трижды в ту сторону, где вчера приключилась с ним такая напасть, он осторожненько, лисьей повадкой выбрался из норы. Зырк-зырк! Нюх-нюх! Всюду тихо, спокойно, никого нет. Повеселело сердце в лисьей груди.

«Самая пора поохотиться»,— подумал он.

Но в эту минуту глянул на себя — господи! Бедняга так и вскрикнул. Что же это такое?

С испугу он бросился наутёк. Но от себя-то не убежишь! Остановился и снова приглядывается: «Да неужто это я? Неужто это моя шерсть, мой хвост, мои ноги?» Нет, не узнаёт! Не узнаёт, да и только! Какой-то странный и страшный зверь, синий-пресиний, с премерзким запахом, покрытый не то чешуёй, не то какими-то колючками, не то ежовыми иглами, а хвост — не хвост, а что-то огромное и тяжёлое, как дубина, и тоже колючее.

Стоит мой Лис, оглядывает чудище, в какое сам обратился, обнюхивает, пробует отряхнуться — не выходит! Пробует покачаться по траве — не полу-

чается! Пробует содрать с себя чешую когтями — больно и не даётся! Пробует слизать — невозможно! Подбежал к луже, вскочил в воду, чтоб от краски отмыться,— куда там! Краска-то ведь масляная, за ночь в тепле хорошо просохла, не снимается. Делай что хочешь, братец Микита!

В это время откуда ни возьмись Волчишка-братишка. Ещё вчера он был добрым знакомым нашего Микиты, а теперь, завидя синего зверя, всего в колючках, взлохмаченного, с таким здоровенным, словно из меди вылитым хвостом, он с перепугу завыл, а опомнившись, бросился наутёк. Бежит, еле дышит.

Повстречал в лесу Волчицу, потом Медведя, Кабана, Оленя. Все его спрашивают, что с ним такое, почему так бежит, а он еле дышит, глаза вытаращил и только лепечет:

— Вон там!.. Вон там!.. Ой, да и страшилище же! Ой, да и злющее ж!

— Да что, что такое?— допрашивают его.

— Не знаю... не знаю! Ой, да и страшилище же!

Что за диво такое! Собралось вокруг него немало зверей, успокаивают его, дали воды напиться. Обезьяна Фрузя выстригла ему на переносице три пучка волос, пустила их по ветру, чтобы так же и его переполох развеялся, но где там — всё понапрасну!

Видя, что с Волком дело неладно, все звери решили идти в ту сторону, куда он показывал, посмотреть, что там за страшилище такое. Подошли к тому месту, где всё ещё крутился Лис Микита, глянули и тоже бросились бежать кто куда. Да и как не бежать! Ведь такого зверя в лесу ещё ни разу не видано, ведь про

Звери подошли к нему чуть поближе, но подойти совсем близко не отважились.

— Слушайте, мои милые,— говорил Лис Микита,— радуйтесь! Нынче утром святой Николай вылепил меня из небесной глины — поглядите, какая она голубая! И, вдохнув в меня душу, сказал: «Зверь Остромысл! В царстве зверином начались нелады, неправедный суд и смуты. Никто там не спокоен за свою жизнь и своё добро. Спустись на землю и будь звериным царём, установи порядки, суди по справедливости и не дозволяй никому обижать моих зверей!»

Услыхав это, звери так в ладоши и захлопали:

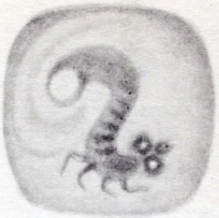
— Так это ты должен быть нашим благодетелем, нашим царём?

— Да, деточки,— важно ответил Лис Микита.

Неслыханная радость охватила звериное царство. Сразу кинулись наводить порядки. Орлы и Ястребы наловили Кур, Волки и Медведи зарезали Овец, Телят и принесли новому царю целую кучу. Он взял небольшую часть себе, а остальное поделил по справедливости между голодными.

Опять радость, опять крики восторга и благодарности. Вот это царь! Вот добрый какой! Вот премудрый! Да с таким царём мы проживём веки вечные как у бога за пазухой!

Пошли дни за днями. Лис Микита был добрым царём, справедливым и милосердным, тем более, что теперь ему не приходилось самому ходить на охоту, сидеть в засаде, убивать. Всё готовое, зарезанное, даже ощипанное приносили ему услужливые министры. Да и справедливость у него была такая, как при-



нято у зверей: кто посильней, тот и лучше, а кто послабей, тот и неправ.

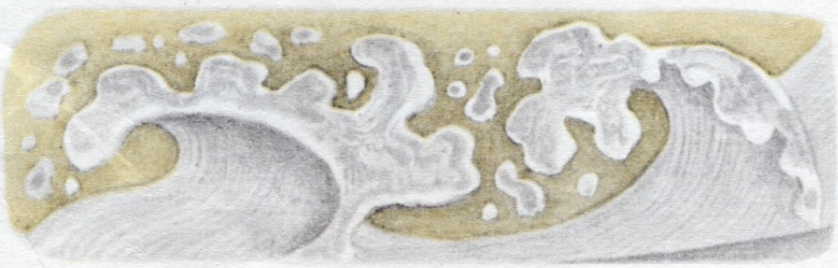
Жили звери при новом царе совершенно так же, как и без него: кто что поймал или нашёл, то и съел, а кто не поймал, тот ходил голодный. Кого охотники подстрелят, тому пропадать, а кто смог убежать, тот радовался, что в живых остался. А впрочем, все были довольны, что у них такой мудрый, могучий и милостивый царь и к тому же совсем не похожий на всех остальных зверей.

А Лис Микита, сделавшись царём, жил себе припеваючи и только одного боялся, чтобы краска не слезла с шерсти, чтоб не узнали звери, кто же он на самом деле. Поэтому он никогда не выходил на дождь, не забирался в чащобу, не чесался, спал всегда только на мягкой перине. И вообще следил, чтоб ничем не выдать себя.

Так прошёл год. Приближалась годовщина восшествия его на престол. Звери порешили торжественно отпраздновать этот день и устроить большой концерт. Составили хор из Лис, Волков, Медведей, сочинили прекрасную кантату.

Вечером после пышных шествий, обедов и речей в честь царя выступил хор и начал петь. Чудо чудное! Медведи рычали басом — дубы тряслись. Волки тянули соло — прямо уши вяли. А когда молодые лисички в народных костюмах затявкали тоненькими тенорками, царь не мог удержаться. Сердце его переполнилось до краёв, он забыл про осторожность и, подняв морду, вдруг залаял по-лисьему.

Ой, что тут было! Все певцы сразу затихли. У всех



министров и слуг царских словно пелена с глаз спала. Да ведь это же Лис, самый обыкновенный крашеный Лис! Да к тому же противной масляной краской крашен. Тьфу! А мы-то думали... Ах ты лгун! Ах ты обманщик!

И, уже позабыв о его благодеяниях, о его хвалёной мудрости и рассвирепев только потому, что столь долго они позволяли ему себя обманывать, накинулись все на несчастного Лиса Микиту и разорвали его в клочья.

КАК СИНИЦА МОРЕ СЖЕЧЬ ХОТЕЛА

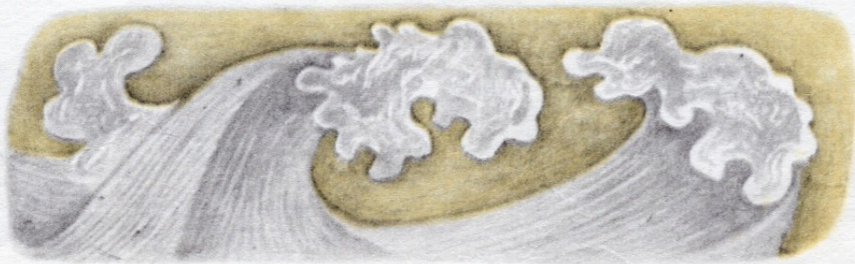
Жила-была Синица. Отчего — неведомо, но взбрело ей в голову свить гнездо на морском берегу на небольшом кусте. Пока море спокойно было, всё шло хорошо. Синица яйца снесла и начала высиживать их. Но вот повеял ветер, разгулялось синее море, затопило куст да вместе с ним и Синичкино гнездо. Сама Синица чуть жива удрала, а яйца её вода унесла.

Ай-ай-ай, как разгневалась Синица! Села на скале над морем и ну корить да ругать море!

— Ах ты гадкое, ах никчемное море! Ты безмозглая, тёмная сила! Ты ненасытная бездна! Ты ничтожное, ненужное, некрасивое море! Как ты посмело разрушить мой дом, забрать мои яйца?! Да я тебя в суд потащу, я тебя на весь белый свет осрамлю, я тебе не дам покоя ни днём ни ночью, пока ты не вернёшь мне всё, что у меня забрало.

А море себе хлюп-хлюп, хлюп-хлюп, хлюп-хлюп.

— Так ты ещё смеёшься надо мной, ты, бессовест-



ное, неблагородное море! — пищала Синица. — Сейчас же отдай мои яйца, а то, слово чести, отомщу тебе!

А море все хлюп да хлюп, хлюп да хлюп, хлюп да хлюп.

— Ты думаешь, я не сумею отомстить? Думаешь, раз я такая маленькая, а ты такое большое, то я против тебя бессильна? А видело ли ты, глупое море, какая маленькая искра и какой большой лес, а она подожжёт его — и он сгорит. Если ты сию же минуту не отдашь мои яйца, то — клянусь честью — я подожгу тебя.

А море все хлюп да хлюп, хлюп да хлюп, хлюп да хлюп.

Страшно рассердилась Синица и поклялась, что не успокоится, пока не сожжёт море.

Полетела она к Светлячку и сказала:

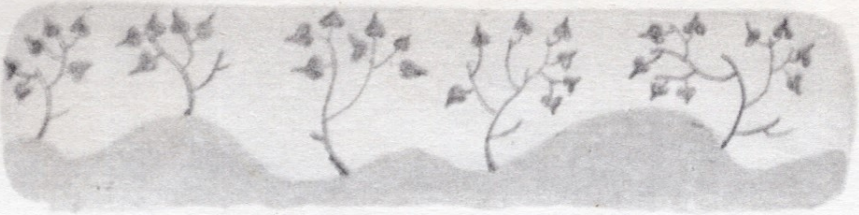
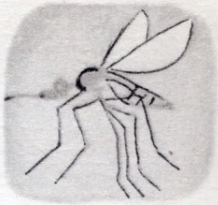
— Послушай-ка, Светлячок, у тебя на животике есть огонёк. Идём со мной, помоги мне море поджечь.

— Не могу, Синичка, — молвил Светлячок. — Мой огонёк светит ночью, но он не греет и не жжёт. Иди лучше к Блуждающему Огоньку, может, он тебе чем-нибудь поможет.

Полетела Синица на болото, села на ольховый куст да и ждёт, пока приблизится к ней Блуждающий Огонёк. А там их над болотом множество блуждало, и все, как пьяные, пошатывались. Наконец один подлетел к Синице поближе.

— Эй, Огонёк-браток, — подзывает его Синица. — Задержись на минутку, хочу тебе кое-что сказать.

— Не могу задержаться, времени нет, — ответил Блуждающий Огонёк. — А ты говори всё, что хочешь, я тут буду летать возле куста и всё услышу.

Рассказала ему Синичка о своём горе и просит:

— Пойдём вместе, помоги мне сжечь это плохое море!

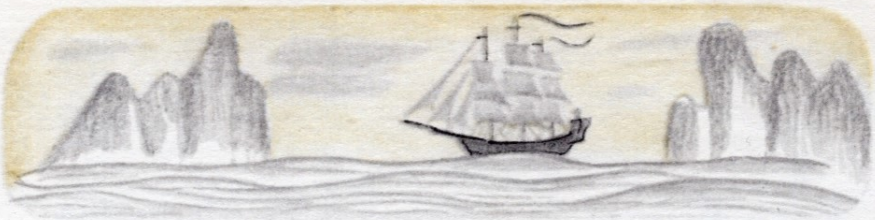
— Не могу, Синичка,— ответил Огонёк.— Я вот на этом болоте родился и тут умереть должен, да к тому же я не смею ни минутки отдохнуть, так что даже свечки от меня не зажжёшь. А почему бы тебе не обратиться к Ворону? Он на такие вещи мастер. Я слышал, он весь Совиный народ в пещере сжёг. Пойди к нему.

Полетела Синица к Ворону, рассказала ему свою историю и просит помочь её горю и поджечь море.

— Не могу, Синичка,— ответил Ворон, важно покачивая головой.— Огонь, от которого Совы сгорели, это был простой человеческий огонь, который я украл вон там на пастбище. Но такой огонь моря не подожжёт, он сразу же в воде погаснет. Чтоб море сжечь, нужен иной огонь, а где его раздобыть, я не знаю. Вот что, иди-ка ты к Аисту. Говорят, что он умеет своим клювом чудесный огонь высекать. Может, он тебе сгодится.

Поблагодарила Синица Ворона за добрый совет и полетела Аиста разыскивать. Рассказала ему, что и как, и попросила потрудиться и высечь для неё клювом огонь, от которого бы море запылало.

— Не могу, Синичка, сделать этого,— ответил Аист, задумавшись и став на одну ногу.— Это когда-то наши деды-прадеды умели, говорят, клювами огонь высекать, а мы уже позабыли эти штуки. Да и едва ли этот огонь сгодился бы теперь. Мне кажется, чтобы море зажечь, для этого нужен огонь с самого



неба. Слетай-ка ты к Орлу. Он каждый день летает под самым солнцем и свой в небесной стороне, может, он чем тебе поможет.

Поклонилась Синичка Аисту да и полетела к Орлу. Летит и всё о своём думает: «Подожди же, гадкое, недоброе море! Я тебе покажу, что может сделать простая обиженная Синица! Уж я не я буду, коли не ответишь мне по справедливости за своё злодейство!»

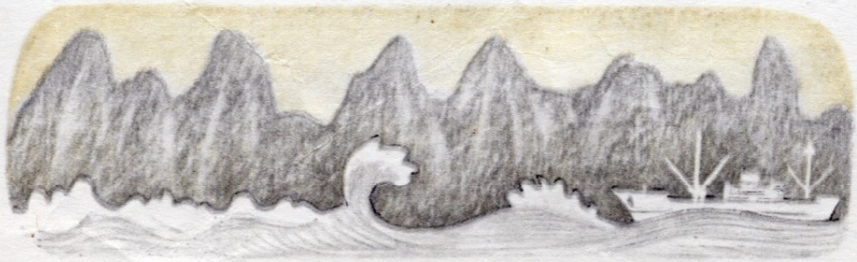
Прилетела к Орлу, рассказала ему о своих обидах и ну просить, кланяясь ему в ноги:

— Уж вы, многие лета вам, глубокоуважаемый, снизойдите к бедной, обиженной Синице, раздобудьте мне небесного огня, чтобы я сожгла это никчёмное море и отомстила ему за свою тяжкую обиду.

Но Орёл, выслушав её слова, как замашет крыльями, как закричит, что Синица уж не знала, жива она или нет.

— Ах ты гадкая Синица! Это кто же тебе говорил вить гнездо на морском берегу? Кто тебе позволил задираться с морем? Это из-за твоей глупости я должен украсть для тебя огонь с неба? Сейчас же убирайся прочь! Свей себе гнездо вон там в кустах тёрна на холме, снеси яйца и высиживай их там, понимаешь? Это твоё птичье право, а близ моря нечего тебе делать!

Получив такой ответ, Синица успокоилась, а через несколько недель и в самом деле у неё было новое гнездо и новые яйца. На этот раз не на морском берегу, а в кустах тёрна на высоком холме.



СОДЕРЖАНИЕ

ОСЕЛ И ЛЕВ 5
Перевод Г. Петникова

ЛИСИЧКА И РАК 11
Перевод Ю. Ярмыша

КАК ЛИСА САМА СЕБЯ ПЕРЕХИТРИЛА 12
Перевод Ю. Ярмыша

ЗАЯЦ И ЕЖ 18
Перевод Ю. Ярмыша

ВОЛК В СТАРОСТАХ 21
Перевод Г. Петникова

ЛИС И ДРОЗД 24
Перевод Ю. Ярмыша

ЗАЯЦ И МЕДВЕДЬ 33
Перевод Г. Петникова

ВОРОНА И ГАДЮКА 39
Перевод Г. Петникова

КОРОЛЕК И МЕДВЕДЬ 41
Перевод Ю. Ярмыша

ЛИСИЧКА И ЖУРАВЛЬ 48
Перевод Ю. Ярмыша

ЛИСИЧКА-КУМА 50
Перевод Ю. Ярмыша

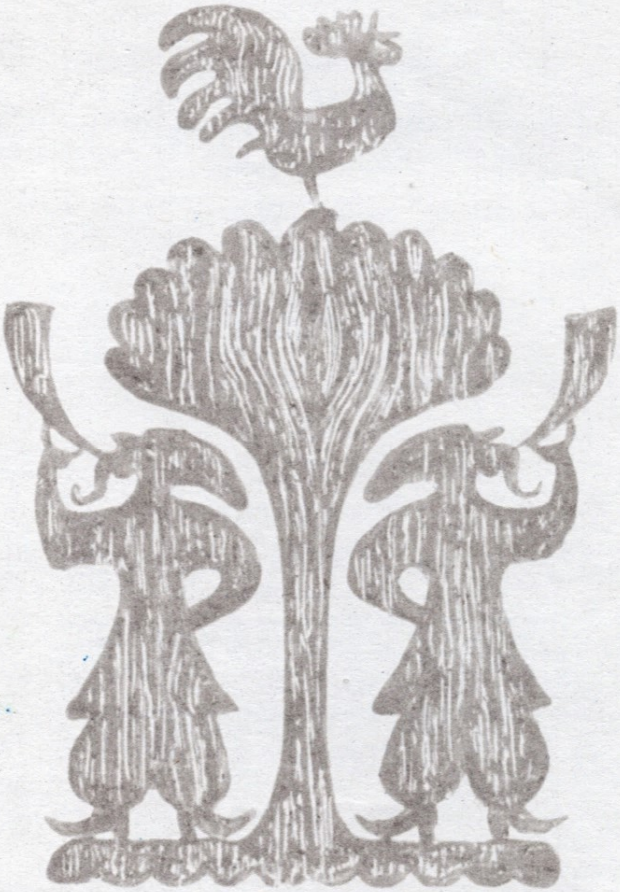
ВОЙНА СОБАКИ И ВОЛКА 55
Перевод Г. Петникова

ТРИ МЕШКА ХИТРОСТЕЙ 64
Перевод Г. Петникова

МУРКА И БУРКА 67
Перевод Г. Петникова

КРАШЕНЫЙ ЛИС 71
Перевод Г. Петникова

КАК СИНИЦА МОРЕ СЖЕЧЬ ХОТЕЛА 81
Перевод Ю. Ярмыша



ИВАН ЯКОВЛЕВИЧ ФРАНКО

КОГДА ЗВЕРИ ЕЩЁ РАЗГОВАРИВАЛИ

Сказки о животных

Для младшего
школьного возраста

Составление
Степана Андреевича Крыжановского

Перевод с украинского
Григория Николаевича Петникова
и Юрия Феодосиевича Ярмыша

Художник
Сергей Кириллович Артюшенко

Редактор
О. С. Яремийчук

Художественный редактор
К. А. Музыка

Технический редактор
Ф. Н. Резник

Корректоры
И. Е. Павлоцкая, В. В. Богаевский

Информ. бланк № 4007

Сдано на производство 16.10.85. Подписано в печать 24.02.86.
Формат 60×90 1/8. Бумага офсетная № 1. Гарнитура
школьная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11. Усл. кр.-отт. 68.
Уч.-изд. л. 10. Тираж 100000 экз. Заказ 126-6.
Цена 1 р. 10 к.

Ордена Дружбы народов издательство «Веселка».
252050, Киев-50, Мельникова, 63.

Львовская книжная фабрика «Атлас». 290005,
Львов-5, Зеленая, 20.

1 р. 10 к.

ВЕСЕЛКА